

XIII в. 68, 120.

ГОРОДЪ СТУДЕНТОВЪ.

БЫТОВЫЯ КАРТИНКИ СТАРАГО ДЕРПТА.

М. ЛАВРЕЦКАГО.

Ревель.

Печатано въ типографіи «Колывани».

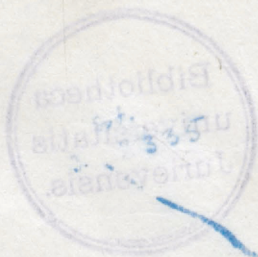
Кол. 25 к. (2лѣт.) 1891.

12.11.04.
Заграт.

№ 28.0. III

*Министерство
Внутренних
Дел*

Дозволено цензурою. — Ревель, 3-го Октября 1894 года.

42827

i 28277843

№ 28.0. III

Вмѣсто предисловія.

Приятно иногда побродить среди развалинъ древности. Хорошо изъ суеты и сѣренькой будничной обстановки обыденной нашей современной жизни погрузиться думою, улѣтъь на крыльяхъ мечты во времена и дѣла давно и недавно минувшія, обозрѣвая ихъ спокойно-безпристрастнымъ взглядомъ человѣка позднѣйшихъ поколѣній. Таковыми именно мотивами и мыслями руководились мы, издавая въ свѣтъ предлагаемые ниже читателю бытовые очерки стараго города Дерпта, подъ однимъ общимъ именемъ «Городъ студентовъ».

Многого, о чемъ упоминается въ «очеркахъ», ужъ нѣтъ въ современной жизни описываемаго нами студенчества; многое готовится совершенно исчезнуть изъ его обихода, а иное уже исчезло, но еще большее изъ описываемаго здѣсь искажено и потеряло значеніе для современной студенческой (нѣмецкой) дерптской молодежи. Вообще мы признаемъ весь строй жизни ея, въ тѣхъ формахъ, каковы онѣ теперь, отжившимъ, несоответствующимъ духу времени и далеко не такимъ совершеннымъ, какимъ стараются нынѣ выставить его защитники.

Но признавая это и вѣруя, что все отжившее должно умереть, а молодое, свѣжее и совершенное — жить, мы всетаки не можемъ удержаться отъ замѣчания: много было поэтической, средне-вѣковой сѣдой старины въ этомъ отжившемъ, много было привлекательной, съ точки зрѣнія поэзіи, прелести въ нѣкоторыхъ сторонахъ этой молодой жизни стараго города Дерпта. И если холодно-анализирующій разумъ насмѣшливо и строго осуждаетъ и

требуетъ уничтоженія устарѣвшихъ формъ жизни, обычаевъ сѣдой старины и традицій «добраго стараго времени», то этическое чувство говоритъ иное. Оно протестуетъ противъ *безцѣднаго* уничтоженія обломковъ прошлаго, напоминая о необходимости сохранить въ лѣтописяхъ хотя общую его картину и настоятельно указывая на то, что историческія развалины всегда заслуживаютъ нашего вниманія и обзора...

Вотъ основываясь на этихъ то, быть можетъ для нѣкоторыхъ кажущихся спорными, положеніяхъ, авторъ и рѣшился передать на бумагѣ свои впечатлѣнія и наблюденія надъ жизнью стараго «Города студентовъ» и выпустить ихъ затѣмъ отдѣльно напечатанной брошюрой.

Авторъ.

Изъ страны, страны далекой
Ради вольнаго труда

Собрался мы сюда!...

Изъ студенческой пѣсни.

За что такъ любить истый старый дерптскій студентъ свой старинный миниатюрный «Дорпачъ» или «Тарту»? — За его тихую величаво-старческую привѣтливость и теплоту, съ какими принимаетъ онъ молодежь въ свои мохомъ покрытыя стѣны. Самая лучшая и веселая пора въ Дерптѣ — это августъ, время съѣзда студенчества и повичковъ. Вотъ подъѣхалъ пароходъ къ маленькой пристани. Съ его палубы сходитъ множество ученыхъ, важныхъ и солидныхъ старыхъ студентовъ и будущихъ «фуксовъ». Старики держатъ себя степенно, нѣсколько презрительно и свысока поглядывая на повичковъ, желающихъ вступить въ ряды дерптскаго студенчества. Между стариками встрѣчаются люди уже пожилые, штудирующие науку съ семидесятихъ годовъ... Сколько этихъ розовыхъ и блѣдныхъ повичковъ-юношей прошло предъ ихъ глазами!!.. Нѣкоторыхъ изъ нихъ они знали, любили, какъ славныхъ ребятъ-товарищей... Нѣкоторые были удостоены почетныхъ цвѣтныхъ шапочекъ и лентъ. Да, много видѣли старые бурши. Розовые и блѣдные юноши какъ-то жмутся, робко и несмѣло вступаютъ въ бесѣду со старыми студентами. Многіе изъ нихъ побывали и въ Харьковѣ, и въ Казани, и въ Варшавѣ — нѣтъ нигдѣ пріюта: — или вакансіи нѣтъ, или очень ужъ тяжелы условія пріема. Вездѣ холодъ и сухость формализма помѣшала имъ сдѣлаться студентами. А старый Дорпачъ, ласково-стариковски, величаво-спокойно и радушно принимаетъ ихъ въ свои древнія стѣны, заботливо прятеть отъ

холода и мрака формализма, гостеприимно принимает въ число своихъ ученыхъ гражданъ... Сколько задушевной теплоты и истинно патриархальнаго простаго и братскаго въ этомъ приѣмѣ новичка! Вотъ онъ — измученный и дорогой откуда-нибудь изъ Костромы, Иркутска, Керчи, Урала или Оренбурга, а главное — нравственною тревогой ожиданья, наслушавшись вездѣ стереотипнаго «нельзя-съ!» и «нѣтъ вакансій!», вступаетъ наконецъ въ городъ стараго университета. Незнакомыя узкія улицы, зданія въ готическомъ стилѣ, бѣлыя трубы и черепичныя кровли, наконецъ нѣмецкій и эстонскій говоръ на улицахъ — все странно удивляетъ его и заставляетъ ежиться, притихнуть и подчасъ тяжело взгрустнуть о покинутой родной сторонѣ... И онъ, напуганный испытанною уже канцелярщиною, спѣшитъ отдать свои бумаги и скорѣе увѣриться, что онъ — уже студентъ... Если у него есть старые грѣхи и педоимки въ видѣ двухлѣтняго пребыванія на одномъ курсѣ; если онъ, по горячности, поссорился со своимъ прежнимъ начальствомъ; если, наконецъ, онъ, — *horribile dictu!* — «заблуждался и увлеклся» различными теоріями, очаровавшись обѣщаньями коварной дѣвы-политики, — это все ничего... Старый «Дорпатъ» и его еще болѣе старый университетъ, изъ-за достоинства и уваженія къ себѣ, не захотятъ конатся въ его прошлое, превращаясь въ старыхъ сиротницъ. Имъ нѣтъ до него дѣла. Они вѣрятъ на честное слово будущему своему студенту, вѣрятъ тому, что, вступивъ разъ подъ сѣнь университетскихъ законовъ и стѣнъ, онъ оставилъ все прошлое свое позади и началъ новую жизнь. Вѣрятъ на слово студенту въ Дерптѣ — это обычай, укрѣпленный многими годами и укоренившійся въ мѣстныхъ нравахъ. Вѣрятъ въ «отеляхъ» и гостиницахъ, не спрашивая наспортовъ и видовъ на жительство; вѣрятъ на слово въ канцеляріяхъ двухъ высшихъ учебныхъ заведеній, принимая студентовъ изъ другихъ городовъ; вѣрятъ въ мѣстной почтовой конторѣ, выдавая безъ засвидѣтельствованія студентамъ, впервые пришедшимъ туда, денежные пакеты. Наконецъ, само студенчество, въ своемъ знаменитомъ «коматѣ», издавна постановило: — «слову студента и судѣ нужно безусловно вѣрить»...

*) Все это — дѣла давно минувшихъ дней.

И вот трепещущій и застѣчивый, вновь прїѣхавшій юноша вступаетъ въ составъ мѣстнаго товарищества-студенчества. Послѣ торжественной «имматрикуляціи», получивъ свою латинскую матрикулу (которая впоследствии перѣдко выручаетъ его, служа залогомъ у ростовщика), онъ уже чувствуетъ себя полноправнымъ гражданиномъ города Дерпта и его университета. Несутся дни, недѣли, мѣсяцы. Вотъ и первый семестръ окончился. Старое студенчество онъ уже не считаетъ такимъ неприступнымъ; порядки и свои студенческіе обычаи уже не кажутся ему такими странными и дикими. Онъ втягивается въ мѣстную жизнь, шлифуется, формируется ею и, въ концѣ концовъ, начинаетъ горячо любить свою alma mater... Подъ ея вліяніемъ, подъ ея эгидою складываются его убѣжденія, взгляды и идеалы, ея вліяніе создаетъ ему послѣдующую жизнь. Такъ летятъ семестры и цѣлые годы. Розовый юноша становится докторомъ, священникомъ, адвокатомъ или учителемъ. Все лучшее, теплое и свѣтлое, все годы юности остались тамъ, назадъ, въ старомъ, миломъ по воспоминаніямъ, «Дорпатѣ»... И оттого такъ сильно любить его старый истый дерптскій студентъ, оттого такъ тепло и любовно идетъ онъ на встрѣчу тому, кого случайно потомъ встрѣтитъ на жизненной дорогѣ своей и кто жилъ и учился въ его любимомъ старомъ городѣ стараго университета...

Конвентъ.

Депутаты отъ корпорацій и обществъ дерптскаго студенчества сидѣли въ общественной квартирѣ за длиннымъ бѣлымъ столомъ. Происходилъ обычный семестральный «конвентъ» — сходка депутатовъ отъ студенчества и профессоровъ для обсужденія студенческихъ дѣлъ. Большая просторная зала была ярко освѣщена стѣнными лампами. Нынѣшній семестръ «президировало», т. е. завѣдывало собраніемъ «конвентовъ» и «герихтовъ» (судовъ) латышское землячество, и въ залѣ конвента царилъ спартанская простота; землячество имѣло своимъ девизомъ «простоту и вѣрность», а потому избѣгало роскоши и комфорта обстановки. Вездѣ стояли простые длинные скамьи; столъ состоялъ изъ широкой и длинной,

*) Все событія, имена и мѣста студенческ. сходковъ — чисто вымышленныя.

чисто выструганной доски, положенной на высокія, грубой работы, подставки; кое-гдѣ стояли стулья для профессоровъ. Засѣданіе уже началось. Сидѣвшій во главѣ стола, на почетномъ мѣстѣ, председатель или «презѣсъ» собранія — почтенный старый профессоръ — уже сказалъ соответственную случаю рѣчь. По правую и лѣвую руку его сидѣли депутаты отъ нѣмецкихъ, эстонскихъ, латышскихъ, польскихъ, русскихъ и еврейскихъ обществъ, корпорацій, землячествъ и группъ. Представители корпорацій имѣли цвѣтныя шапочки и такія же цвѣтныя ленты черезъ плечо. Въ перемежку со студентами-депутатами сидѣли и профессоры. Это были почетные «филистеры» и члены общей академической семьи.

— Предлагаю депутатамъ отъ студенчества, сказалъ по-нѣмецки презѣсъ: — выяснитъ нужды, требованія и желанія своихъ группъ и обществъ... Прошу говорить поочередно!...

Поднялись двое студентовъ и, глядя въ какой-то неписанный листъ бумаги, стали по пунктамъ излагать желанія и заявленія своихъ избирателей; тутъ были и протесты, и жалобы, и требованія измѣнить существующій «команъ» студенчества, и угрозы не признавать долге этого устава, и наконецъ желанія имѣть большія права и большее число представителей на обще-студенческихъ сходкахъ. Наконецъ докладъ депутатовъ конвенту окончился. Начались оживленныя пренія. Старый «презѣсъ» внимательно и чутко слѣдилъ за ихъ ходомъ, слушая эти молодые, подчасъ ожесточенно звучащіе голоса, изрѣдка останавливая расхлывшихся ораторовъ. Наконецъ, выяснивъ дѣло, приступили къ баллотировкѣ; все смолкло, все стало напряженно-серьезно и тихо. Казалось, въ залѣ сидитъ и говоритъ о своихъ нуждахъ и желаніяхъ не молодежь — горячая и бурная, а люди, прошедшіе сквозь горнило житейской опытности и общественной дѣятельности. Быстро и невидимо группировались партіи симпатизировавшихъ другъ другу обществъ и корпорацій; депутаты «ферейновъ» и нѣмецкихъ корпорацій, обмѣнявшись быстрыми и значительными взглядами, подавали свои, свернутыя въ трубки, записки, стараясь поддержать или провалить то или другое предложеніе. Здѣсь, въ этомъ собраніи, формировались будущіе общественные и политическіе дѣятели, здѣсь учились владѣть собою и отстаивать свои взгляды и

убѣжденія. Не было ни безпорядка, ни суеты, ни опрометчивости: все старались взвѣсить сначала то, что хотѣли сказать. Профессора особенно усиливались ясно и краснорѣчиво изложить свои мнѣнія, съ особеннымъ вниманіемъ и уваженіемъ выслушивая доводы своихъ противниковъ-студентовъ...

Подали пиво и на нѣсколько минутъ былъ объявленъ перерывъ засѣданія конвента.

И нисколько никому не казалось страннымъ и неумѣтнымъ, что вся эта молодежь такъ свободно и смѣло обсуждаетъ дѣла свои, сидя, какъ равный съ равнымъ, рядомъ со своими профессорами, возражая имъ и спокойно выслушивая ихъ возраженія. Вся предшествовавшая жизнь, все долгие годы существованія приучили смотрѣть на это положеніе дѣлъ, какъ на нормальное, приучили допускать къ обсужденію и выслушивать мнѣнія младшаго члена университета. Свободное, на волѣ выросшее студенчество не нуждалось въ опекаѣ, въ напоминаніяхъ и указаніяхъ, какъ вести себя. Взаимное довѣріе и уваженіе, признаніе обоюдныхъ правъ связывало достаточно крѣпкими узами руководящихъ и руководимыхъ и академическая жизнь текла легко и привольно, не изсякая и не выливаясь изъ границъ.

Коммершъ.

Старый «альдерманъ» *) сидѣлъ въ общей залѣ «конвентъ-квартиры» своей корпораціи. Старый ольдерманъ выпилъ нѣсколько кружекъ пива и былъ въ хорошемъ настроеніи. Была ночь. Бурши важно и солидно курили большія трубки, прихлебывая пиво. Фукеы сидѣли въ сосѣдней комнатѣ. Въ залу вошелъ недавно поступившій въ корпорацію молодой студентъ Князьковъ. Старый альдерманъ, увидѣвъ его, закричалъ по-нѣмецки: — «Иди сюда, фуке!» — и Князьковъ, вѣрный правиламъ «комана», немедленно отправился въ большую залу. Все смотрѣли на него.

— Становись на столъ! сказалъ торжественно старый ольдерманъ.

*) Старшій членъ корпораціи, завѣдующій воспитаніемъ младшихъ — фукеовъ.

Новичокъ однимъ прыжкомъ вскочилъ на большой столъ, стоявшій посреди комнаты. Послѣдовала обычная въ такихъ случаяхъ сцена.

— Кто ты, зачѣмъ и откуда явился сюда къ намъ? медленно и важно спорилъ Князькова одинъ изъ сидѣвшихъ тутъ старыхъ буршей.

Новый фуксъ кратко и почтительно отвѣтилъ на все эти вопросы.

— Что будешь штудировать ты въ нашемъ старѣйшемъ и знаменитѣйшемъ университетѣ? продолжалъ допрашивать другой.

И на это молодой человекъ отвѣчалъ бойко, но съ почтениемъ къ старшимъ. Изъ дальняго конца комнаты послышался насмѣшливый голосъ:

— О, ја... Онъ настоящій фуксъ, только зачѣмъ у него такой длинный носъ?!

— Альдерманъ, сдѣлай ему короткій носъ...

— О, ја wohl!.. говорилъ альдерманъ.

— Нѣтъ, герръ альдерманъ — оставь ему носъ на домашнія надобности... Онъ будетъ имъ отыскивать пиво для товарищества...

Такія и подобныя остроты чисто нѣмецкаго характера и съ такою же солью сыпались на юношу. Новому фуксу непременно пужно было пройти чрезъ это. Князьковъ, словно манекень, все стоялъ на столѣ, не зная, какъ дѣржать себя. Это продолжалось съ полчаса. Наконецъ альдерманъ милостиво сказалъ:

— Сойди, фуксъ, и получи то, что необходимо тебѣ.. и старый опытный альдерманъ далъ Князькову штопоръ для откупориванія бутылокъ и коробку спичекъ, чтобы подавать старшимъ огня для трубокъ. Собраніе почтенныхъ «комильтоновъ» *) хранило необыкновенно торжественное молчаніе. Все имѣло значительный видъ и горделивую осанку. Испытанные старые бурши осанисто поправляли свои цвѣтныя шапочки и одергивали яркія шелковыя ленты, висѣвшія у нихъ на груди, чрезъ плечо. При свѣтѣ газа и канделябровъ серебряныя пряжки на «фарбенбанд'ахъ» блестѣли, словно звѣзды и ордена.

*) Коллеги, товарищай.

Исполнивъ обрядъ принятія новаго фукса, величавое собраніе приступило къ главнѣйшему. Фуксамъ было велѣно принести еще нѣсколько корзинъ пива и вино, предварительно раскупоривъ бутылки. Коммершъ начался.

— Prosit! сказалъ альдерманъ, поднимая стаканъ до уровня носа «сеньора» корпораціи, толстаго стараго бурша съ изрубленнымъ въ дуэляхъ лицомъ и надменно-величественнымъ видомъ.

— Prosit! благосклонно отвѣтилъ сеньоръ.

Альдерманъ половину выпилъ, снова долилъ и передалъ комильтону. Въ другихъ мѣстахъ залы происходило то же. Этикетъ предписывалъ пить изъ одного стакана и только половину. Почтенное собраніе на время занялось усерднымъ возліаніемъ въ честь Бахуса. Въ сосѣдней комнатѣ фуксы тоже пили. Иногда ихъ приглашали къ старшимъ и заставляли пить вмѣстѣ.

— Пей, фуксъ! говорилъ Князькову охмѣлѣвшій альдерманъ: — пей, иначе ты никогда не получишь «фарбенъ». — Князьковъ съ отчаяніемъ чувствовалъ, что желудокъ его не вмѣщаетъ больше пива. Онъ медлилъ, стараясь отвертѣться. — О, если ты будешь пить — ты будешь истый буршъ!.. подбодрялъ его альдерманъ. Но въ желудкѣ становилось все больше и больше пеладно. — Слушай же ты, фуксъ!.. Пей, что ли!!.. закричалъ наконецъ разсерженный альдерманъ. Но фуксъ не могъ болѣе пить. Тогда «альдерманъ» и нѣсколько человѣкъ старѣйшихъ членовъ корпораціи поднялись со своихъ мѣсть съ строго-серьезными, торжественно-сокрушенными фізіономіями.

— Фершиссъ?! судебно-дѣловымъ тономъ спросилъ одинъ изъ нихъ у «альдермана».

— О, ја! поспѣшно и съ сожалѣніемъ отвѣтилъ тотъ.

Всѣ заѣли обыкновенную въ такихъ случаяхъ нѣмецкую студенческую пѣсию, въ которой говорилось о преступленіи фукса; была приготовлена ужасная смѣсь изъ пива съ водкою, и фуксъ долженъ былъ выпить это ужасное мѣсиво, ибо въ противномъ случаѣ ему грозило наказаніе... Сеньоръ корпораціи подошелъ къ нему.

— Что, комильтонъ-фуксъ, провинился?! Разсердаль отца-

альдермана?! сказалъ онъ добродушно; и, перемѣнивъ топь, официально прибавилъ: — Ну!?!...

Князьковъ, зажмурившись, съ отвращеніемъ выпилъ...

Коммершъ длился почти всю ночь.

Майская ночь.

Стояла теплая, темная весенняя ночь. Завтра — первое мая. Въ воздухѣ пахло распускаявшеюся зеленью, смолою сосенъ и рыхлою оттаявшею землею. Уже давно свечерѣло. Черныя лохматыя тучи низко-низко проносились по небу надъ городомъ. Моросилъ мелкій дождикъ, то останавливаясь, то усиливаясь и переходя въ крупныя тяжелыя капли. Въ городѣ было тихо и уныло. Только огромный вѣковой лѣсъ, — искусствомъ человѣка давнымъ-давно превращенный въ затѣйливо разбросанный и красиво устроенный паркъ со множествомъ аллей, дорожекъ и гротовъ, — радуясь весеннему дождю, весело и величаво шумѣлъ вершинами своихъ столѣтнихъ деревьевъ, покрытыхъ молодыми, только что распустившимися, зелеными почками. Хмурья сосны и ели, одиноко скучавшія зимой своимъ вѣчнымъ парядомъ, теперь повеселѣли, посвѣжѣли и стройно-горделиво покачивали граціозными верхушками. Паркъ былъ разбросанъ какъ разъ въ центрѣ самаго городка, подавляя его своими размѣрами и, вмѣстѣ съ тѣмъ, служа лучшимъ его украшеніемъ.

На одномъ изъ холмовъ парка, среди густой зелени, возвышались, далеко обрисовываясь своими могучими угрюмо-средневѣковыми контурами, развалины когда-то, въ глубинѣ минувшихъ столѣтій, построеннаго монастыря. Среди зелени вѣковыхъ сосенъ, липъ и дикихъ каштановъ высились своими грандіозными каменными глыбами треснувшія и всюду обвалившіяся высокія стѣны этого памятника сѣдой старины, выделяясь въ чащѣ зелени своимъ краснымъ цвѣтомъ и величавою угрюмостью. Стѣны были построены изъ большихъ широкихъ и массивныхъ кирпичей и гранитныхъ глыбъ; въ нихъ видѣлись глубокія выбоины и цѣлыя вырванныя могучею силою плащади, — слѣды приступовъ и осадъ, какимъ подвергался во время оно монастырь, представлявшій среди тьмы лѣсовъ надежный оплотъ

и твердыню. Лучше всего сохранились и живѣе всего рисовали картину давно минувшей жизни ворота монастыря, темною массивною глыбою-аркою выдвигавшіяся впередъ, подставляя ударамъ времени свою, все еще могучую, грудь, испещренную уже ударами тарановъ и ядеръ непріятелей. Боковыя стѣпы этихъ развалинъ давнымъ-давно уже не существовали; отъ нихъ остались только высокія, массивныя, неуклюже украшенныя карнизами, колонны, переходившія вверху въ своды арокъ. Когда подымался сильный вѣтеръ, и старый паркъ шумѣлъ листвою своихъ столѣтнихъ великановъ, ведя задумчивые разговоры про сѣдую старину съ развалинами монастыря, то чудилось, что и колонны принимаютъ участіе въ этой старчески медленной бесѣдѣ, силясь разсказать все, что пришлось имъ увидѣть и испытать на своемъ долгомъ-долгомъ вѣку... Задняя половина развалинъ — тамъ, гдѣ въ старину, вѣроятно, находился алтарь — была восстановлена, поновлена и занята обширной университетской бібліотекой. Въ различныхъ мѣстахъ парка были разбросаны и другія части университета — институты, клиники и т. п.

Становилось все темнѣе и темнѣе. Внизу, у подножія развалинъ монастыря, стоявшаго на крутомъ холмѣ, разстилалась глубокая, въ формѣ правильного четырехугольника, зеленая долина, окруженная съ трехъ сторонъ зеленою хвойныхъ и лиственныхъ деревъ. Нѣсколько носильщиковъ — эстонцевъ и латышей — усиленно торопились дѣлать какія-то приготовленія, разставляя въ долину длинныя деревянныя простые столы и скамьи, окрашенные въ сѣрую масляную краску. Большія корзины съ пивомъ, виномъ и закусками были разставлены около столовъ. Несмотря на дождь, со вѣхъ сторонъ, изъ дальнихъ даже концовъ маленькаго нѣмецко-эстонскаго городка, шли къ этому мѣсту почтенныя бюргеры съ принаряженными женами и дочками, чинно выступавшими впереди родителей. Флегматичныя, тупо-равнодушныя эстонцы и худощавыя, болѣе живыя и подвижныя, латыши густыми рядами стояли у протянутаго кругомъ всей долины каната, служившаго барьеромъ, смотря внизъ на разстилавшуюся ровную зеленую долину и суетливыя приготовленія къ ней. Когда дождь усиливался, старый монастырь, величаво распахнувъ, какъ въ старину, гостепримныя

ворота свои, благосклонно укрывал толпу от непогоды под полуразрушенными сводами когда-то неприступных каменных твердынь. Публика все прибывала и прибывала. Дождь то переставалъ, то усиливался. Совѣтъ стемнѣло. Приготовленія въ долинѣ были окончены. Черезъ нѣсколько времени сквозь говоръ начавшей почему-то смолкать толпы послышался отдаленный шумъ и топотъ, очевидно, приближающагося отряда или какой-нибудь большой, стройно и въ порядкѣ идущей, массы людей. Вѣтеръ утихъ; прекратился и дождь. Изъ глубины густой и темной липовой и каштановой аллеи, огибавшей пролежавшую черезъ паркъ дорогу, показалась, медленно и стройно приближаясь, колонна людей въ цвѣтныхъ лиловыхъ, съ цвѣтными же кантами, маленькихъ шапочкахъ и такого же цвѣта шелковыхъ ленточкахъ, надѣтыхъ черезъ плечо; концы лентъ соединялись изящной серебряной пряжкой съ изображеніемъ различныхъ эмблемъ. То шла на празднованіе «Майской почты» студенческая корпорація мѣстнаго университета, самая юная изъ всѣхъ восьми корпорацій — «Caledonia»^{*)}. Впереди мѣрно, въ ногу идущей, колонны два почетнѣйшихъ члена корпораціи несли большое шелковое знамя тѣхъ цвѣтовъ, которые были дарованы «Caledoni'i» приговоромъ всѣхъ другихъ студенческихъ корпорацій. Войдя въ долину, колонна заняла свое опредѣленное мѣсто. Мокрые отъ дождя, но бодрые и острившіе надъ собою «каледонцы» стойчески выдерживали рѣзкіе порывы вѣтра и налетавшіе иногда на нихъ тучи дождя и чего-то ждали. Черезъ нѣсколько минутъ снова послышался топотъ ногъ, — то шла вторая корпорація студентовъ — «Veronia», гордая удалью и молодечествомъ своихъ членовъ и по времени своего основанія старѣйшая «Caledoni'i», знамя которой поэтому при входѣ въ долину «веронцевъ» выступило и привѣтствовало ихъ троекратнымъ преклоненіемъ. Посеребренный наконечникъ ярко-цвѣтнаго, расшитого золотомъ, шелковаго знамени «Veroni'i» гордо и благосклонно отвѣтствовалъ наклоненіемъ коллегѣ. Не успѣла занять вновь пришедшая корпорація свое мѣсто, какъ, одна за другой, стали вступать въ зеленую долину остальные корпораціи, по старшинству основанія. Знамена собравшихся корпорацій выходили на

^{*)} Вымышленное имя.

встрѣчу вновь приходившимъ и весело, торжественно салютовали имъ. Последнею прибыла старѣйшая и почетнѣйшая по своей древности «Curbatonia». Въ этой корпораціи былъ собранъ весь цвѣтъ дворянства всего края, обладавшаго крупными помѣстьями, титулами, гербами, традиціями и завѣтами сѣдой старины. Этотъ избранный аристократическій мірогъ молодежи былъ почти недоступенъ для чужихъ, пришлыхъ людей, и попасть въ него, не будучи принадлежащимъ къ равнымъ, а главное — не будучи землякомъ, не представлялось никакой возможности. Корпорація гордилась не только своею давностью, богатствомъ, численностью приписанныхъ къ ней членовъ — вильдеровъ и фуксовъ, но и строгостью своего команъ (устава) и стойкостью ревностно охраняемыхъ традицій. Ея презусъ или сеньоръ (предсѣдатель) пользовался громаднымъ вліяніемъ на общихъ студенческихъ конвентахъ, и нерѣдко голосъ «Curbatoni'i» имѣлъ рѣшающее значеніе. Корпорація тихо и медленно вступила въ общій кругъ, важно и съ достоинствомъ отвѣчая движеніями своего богатаго, тщательно расшитаго шелками и золотомъ, знамени съ изображеніемъ корпоративныхъ гербовъ на всеобщее почтительное привѣтствіе. Два ассистента, сопровождавшіе знамя съ обнаженными ярко блестящими шпагами, салютовали тоже.

Скоро надъ зеленой долиной поднялось яркое зарево восьми зажженныхъ костровъ, — то корпораціи зажгли свой костеръ, сложенный изъ груды пивныхъ коробовъ и ящиковъ изъ-подъ вина, вышитыхъ за годъ. Началось ежегодно празднуемое въ ночь подъ первое мая торжество встрѣчи идущей новой весны... Десятки и сотни молодежи, мѣстнаго студентства, профессоровъ, филистеровъ, (почетныхъ членовъ корпорацій) и приглашенныхъ гостей разсѣлись вдоль уставленныхъ по всей долинѣ столовъ, провозглашая тосты и распѣвая любимыя пѣсни... Вотъ по срединѣ всѣхъ костровъ воздвигается одинъ общій, грандіознѣйшихъ размѣровъ. Вокругъ него собираются все корпораціи и, по знаку своихъ дирижеровъ, дружно и стройно, сильными молодыми голосами затягиваютъ старинную общестуденческую пѣсню «Gaudeamus igitur». А вверху стоятъ и любуются эффектною картиной толпы старыхъ, окупившихся въ жизнь, и молодыхъ, едва начавшихъ жить, людей. А еще выше

надъ всёмъ этимъ высится старый, хмурый, мхомъ поросшій великанъ-монастырь, озаренный яркимъ заревомъ костровъ. Старикъ любитъ и улыбается, глядя на радости молодой жизни, и задумчиво-ласково смотритъ внизъ, въ долину, своими высокими, узкими и большими готическими окнами. Вотъ ужъ много-много лѣтъ приходится ему въ эту пору ранней, только что идущей изъ - подъ снѣжныхъ покрововъ и морозовъ, теплой душистой весны, аккуратно каждый годъ, смотрѣть со своей высоты на фантастическую картину студенческаго пира въ честь желанной гостыи. Тучи поднялись выше, дождь совсѣмъ пересталъ, и оживленіе зрителей и главныхъ дѣйствующихъ лицъ внизу, въ долину, все росло и росло. Почтенные солидные бюргеры съ лѣнливой, застывшей на лицѣ, улыбкой слѣдили любопытнымъ взглядомъ за всёмъ происходившимъ среди собравшейся молодежи. Эстонки и нѣмки оглядывались кругомъ и оправляли свои причудливые головные уборы. Цѣлыя своры отчаянныхъ уличныхъ мальчишекъ всѣхъ національностей съ визгомъ и веселымъ хохотомъ скатывались внизъ по мокрому зеленому откосу въ долину, сновали между ногами героевъ праздника, студентовъ-корпорантовъ, то помогая имъ поддерживать и усиливать огонь костровъ, то допивая изъ бутылокъ и кружекъ остатки пива и вина. Густой бѣловатый дымъ стоялъ облакомъ надъ лужайкой парка. Вся котловина, кипѣвшая толпами студентовъ въ цвѣтныхъ и черныхъ маленькихъ шапочкахъ, была залита свѣтомъ яркаго пламени. Иногда порывъ вѣтра заволакивалъ дымомъ все и всѣхъ, и тогда картина принимала еще болѣе причудливый и фантастическій характеръ. Сквозь прозрачную, носимую и безустанно развѣваемую вѣтромъ пелену дыма видѣлись человѣческія фигуры, освѣщенныя красивымъ отблескомъ яркаго пламени, двигавшіяся, бѣгавшія и прыгавшія чрезъ огонь костровъ; доносился смутный гулъ голосовъ, звонъ бутылокъ и стакановъ и то замиравшіе, то съ силой растущіе хоры невидимыхъ могучихъ пѣвцовъ... Вотъ слышится какой-то воинственный нѣмецкій гимнъ, вотъ гортанная заунывная пѣсня сначала студентовъ-латышей, а потомъ эстонцевъ... Маленькая группа русскихъ земляковъ распѣваетъ свои національно студенческія любимыя пѣсни, изрѣдка замѣняя ихъ то бойкими, то грустно-задумчивыми малорусскими напѣвами. Харак-

терный польскій акцентъ съ силою и задоромъ вырывается изъ строя поющихъ хоромъ, выдѣляясь своею мягкостью и вкрадчивою ласкою. Среди сидящихъ у столовъ, двигающихся по всеѣмъ направлѣнїямъ и стоящихъ у костровъ можно было слышать говоръ и нарѣчїя многихъ странъ. Бравый воинственный сынъ Германїи, по старинной традиціи странствующій по всеѣмъ университетамъ, беззаботно надвинувъ на затылокъ свою студенческую шапочку, глубокомысленно бесѣдовалъ съ длинноногимъ, и въ студенчествѣ предприимчивымъ американцемъ, положившимъ ноги по національной привычкѣ на стулъ. Черноокїй сынъ страстнаго и нѣжнаго юга обмѣнивался остроумными замѣчанїями, сидя со стаканомъ рейнвейна въ рукѣ, съ уроженцемъ туманнаго Альбіона и шотландцемъ, одѣтымъ въ клѣтчатый плащъ. Только одинокій, далеко-далеко заброшенный отъ родины, японецъ, одѣтый вполнѣ по-европейски, ходилъ между кружками, останавливаясь то тамъ, то здѣсь. Гостепрїимныя двери университета были радушно и широко открыты для всеѣхъ національностей, безъ полицейскихъ допросовъ, узкаго оскорбительнаго недоувѣрїя и подозрительности. Каждый являлся лишь съ однимъ желанїемъ и благимъ намѣренїемъ — насытиться, утолить свой духовный голодь, хотя благія намѣренїя эти не всегда исполнялись. Пользуясь возможностью «штудировать науку» почти неограниченное число лѣтъ, молодость соблазнялась случаемъ иногда отдать годъ-два на веселую беззавтѣную жизнь нѣмецкаго студента, увлекаясь то кутежами, то спортомъ различнаго рода, то фехтованьемъ, музыкой и пѣнїемъ. Всякій приходившїй сюда, какъ въ древнюю Запорожскую Сѣчь, заявлялъ, какую науку онъ намѣренъ «штудировать», торжественно подписывалъ въ «президирующей» корпораци «команъ» и затѣмъ записавшїеся членомъ какой-нибудь корпораци или оставшїеся «вильдеромъ» (свободнымъ), становился равноправнымъ членомъ университетской семьи и общимъ «комильтономъ» всего мѣстнаго студенчества. Подписывая «команъ», всякій долженъ былъ заявить свою принадлежность къ партїи дуэлянтовъ или антидуэлянтовъ, чтобы при ссорахъ и столкновенїяхъ искать удовлетворенїя за обиды или при помощи шпаги и пистолета, или въ «буршенгерихтѣ» (студенческомъ судѣ). Далѣе жизнь новичка текла обычнымъ порядкомъ

— или міръ строго-научныхъ интересовъ и занятій, или веселое, бурное житье нѣмецкаго браваго бурша...

...Уже давно наступила глубокая ночь, и значительная часть толпы зрителей разошлась, а веселый пиръ въ долигѣ только лишь достигалъ своего апогея. Празднованіе должно было, по старинной традиціи, продолжаться до поздняго утра дня перваго мая, и участники его, несмотря на начавшій опять моросить дождь, и не думали расходиться. Уже хмѣль охватилъ крѣпкія головы буршей, а громкія рѣчи и нестройные напѣвы смѣнили первоначальную чинность и благопристойность студенчества; уже ряды и отдѣльные кружки цвѣтоносцевъ смѣшались въ одну неструю, живую шумливую толпу, бурно шумѣвшую, пѣвшую и хохотавшую раскатами молодого здороваго смѣха, и по временамъ собиравшуюся у какого-нибудь особенно сильно пылавшаго костра, чтобы посмотреть и подзадорить «фуксовъ», съ отчаянной отвагой прыгавшихъ черезъ костры. Уже старые почтенные профессора и филистры, распрощавшись съ молодежью, удалились по домамъ и клубамъ, раздумывая и вспоминая годы своего студенчества и такія же встрѣчи весны у подножія старыхъ развалинъ монастыря, и съ грустью помышляя о томъ, что, быть можетъ, скоро-скоро рухнутъ формы этой студенческой жизни, и лишь воспоминаніе о нихъ останется среди старыхъ закаленныхъ буршей, — а веселый пиръ въ долигѣ и звонъ бутылокъ и стакановъ раздавался, не умолкая, и шумѣлъ могучими волнами молодого веселья. Одни только «курбатонцы» сидѣли и гуляли отдѣльнымъ, гордо уединеннымъ кружкомъ, не смѣшиваясь и не примыкая къ общей толпѣ. Ихъ темнокрасныя корпорантскія «фарбенъ» постоянно видѣлись то тамъ, то здѣсь небольшими группами, мѣрно и съ достоинствомъ ходившими среди всей студенческой толпы. По временамъ сквозь зубы сказанная курбатонцемъ острота по адресу какого-нибудь мѣшковатаго неудачника-фукса, повашаго при перепрыгиваніи въ костеръ, возбуждала общій дружный хохоть.

Нѣсколько «каледонцевъ» стояло у своего костра съ пивными бутылками въ рукахъ, поощряя своихъ, прыгавшихъ черезъ огонь фуксовъ. Трое членовъ «Curbatoni'i» подошли сюда и, ставъ поодаль, молча наблюдали за этимъ упражненіемъ юныхъ будущихъ

буршей. Между обѣими корпораціями давно существовала затаенная вражда, какая можетъ только существовать между избраннымъ аристократическимъ кружкомъ и молодыми интеллигентными плебеями. Кромѣ того, въ числѣ «Caledoni'и» считалось много русскихъ, — элементъ не пользовавшійся почему-то симпатіями курбатовцевъ.

— Ну, смѣлѣе, фуксъ!.. кричали каледонцы своему молоденькому, съ розовымъ, почти дѣтскимъ лицомъ, вновь принятому въ корпорацію фуксу. Юный корпорантъ, сильно разбѣжавшись, прыгнулъ черезъ слабо пылавшій костеръ, но, зацѣпившись за что-то, упалъ. Его быстро подхватили и помогли подняться.

— Это утенокъ, а не фуксъ! важно и насмѣшливо сказалъ громко одинъ изъ стоявшихъ тутъ курбатовцевъ.

— У насъ посадили бы его за это на «фершиссъ», поддерживалъ комильтона другой.

— У нихъ не умѣютъ обучать фуксовъ... Кто у нихъ «Альдерманъ»? заодно вопрошалъ третій подвынившій членъ старѣйшей корпораціи.

«Альдерманъ» корпораціи «Caledonia» рѣшительно и смѣло подошелъ къ тремъ курбатовцамъ.

— Чѣмъ могу служить тебѣ? Я «альдерманъ» въ «Caledoni'и», сказалъ онъ, презрительно мѣряя съ ногъ до головы одного изъ враговъ. Тотъ насмѣшливо захохоталъ, глядя ему въ лицо.

— Dummer Junge!.. озлобленно закричалъ альдерманъ.

— Я вызываю тебя!.. негромко проговорилъ курбатовецъ, покручивая свои длинные усы и густую эспаньолку.

Они обмѣнялись визитными карточками. Вокругъ собиралась толпа. Каледонцамъ припомнились все давнишніе обиды и счеты съ надменной «Курбатовіей». Кромѣ того, пужно было дать случай молодымъ фуксамъ проявить свое мужество на дуэляхъ.

— Курбатовцы — трусы и «кноты»*)! закричало вдругъ нѣсколько пьяныхъ голосовъ изъ толпы собравшихся членовъ «Каледоніи».

— Что!?! Сбродь... оборванцы!!! раздались яростные голоса, и нѣсколько темнокрасныхъ студенческихъ шапочекъ ринулось петвѣр-

*) Мѣстное названіе подонковъ общества -- мазуриковъ и т. п.

дой походкой и врѣзалось въ толпу враждебныхъ корпорантовъ. Началась общая свалка. Раздалось два-три револьверныхъ выстрѣла на воздухъ, послышался знаменитый въ лѣтонисяхъ мѣстнаго студенческаго міра призывный кликъ буршей «Burschen heraus!» — созывавшій союзниковъ. Члены остальныхъ корпорацій составили большой, тяпущійся вдоль всей долины, кругъ зрителей, не принимавшихъ участія въ боксированьи двухъ корпорацій. Послѣ нѣсколькихъ минутъ борьбы, каледонцы смяли противниковъ. Свалка прекратилась. «Curbatonia», смятая и разсѣянная, кое-какъ собралась къ своему знамени и, взявъ его, съ угрозами и обѣщаніями мести, беспорядочною толпою направилась къ выходу изъ долины. Шествіе ея сопровождалось вдогонку раздававшимися свистками и насмѣшками противниковъ. Мелкій и частый дождь опять сталъ моросить падофдливою мглою. Костры слабо горѣли. Начиная едва замѣтно загораться утренняя заря и мракъ ночи становился сильнѣе и чаще. Всѣхъ прохватывала дрожь, а усталость смыкала глаза. Пѣсенъ уже нигдѣ не было слышно, но пиръ продолжался, по обыкновенію, до самаго поздняго утра.

На завтра долженъ былъ собраться судъ «сеньоровъ» или «презусовъ» по дѣлу о столкновеніи двухъ корпорацій.

Судъ.

Свѣтъ сѣраго непривѣтливаго утра скудно и тускло освѣщаль красивый двухъ-этажный, съ затѣйливыми башнями и террасами, домъ, принадлежавшій президировавшей корпораціи «Patagonia». Здѣсь помѣщалась такъ называемая «конвентъ-квартира» этого землячества, обладавшаго значительными кассаами, бібліотекой и отличавшагося многочисленностью своего состава. Зданіе было только что отстроено и все потонуло въ зелени обширнаго сада съ густыми аллеями изъ липъ, елей и сосенъ и нѣсколькими бесѣдками изящной архитектуры. На одной изъ башенъ развѣвалось трехцвѣтное знамя корпораціи. Обширное помѣщеніе конвентъ-квартиры состояло изъ нѣсколькихъ комнатъ и просторной высокой залы, украшенной, спускавшеюся съ потолка, люстрою и канделябрами. Тяжелыя темныя гардины и портьеры, свѣшиваясь на

окнахъ и дверяхъ, пропускали въ комнату мало свѣта. Вдоль стѣнъ стояла мягкая мебель изъ стараго тяжелаго дуба. Странный контрастъ составляли съ этой обстановкой длинный простой деревянный столъ и такія же скамьи, окрашенные въ голубовато-сѣрую масляную краску, стоявшіе посреди залы и предназначавшіеся для торжественныхъ «конвентовъ» (засѣданій) и «коммершей» (попоекъ). Такая мебель встрѣчалась обязательно въ каждой конвентъ-квартирѣ, напоминая о чемъ-то пуритански-простомъ и суровомъ. Въ простѣнкахъ залы были развѣшаны фотографіи, изображавшія всю собранную во-едино корпорацію «Patagonia», въ самыхъ разнообразѣйшихъ положеніяхъ и моментахъ жизни. То, распустивъ свое трехцвѣтное шелковое знамя и обнаживъ шпаги, благородная корпорація «Patagonia», какъ говорила зрителю фотографія, стремилась куда-то вдаль, какъ бы собираясь произвести нападеніе или взять штурмомъ лагерь противниковъ; то глазамъ зрителя представлялась картина беззаботнаго веселаго жителя нѣмецкаго бурша, и члены корпораціи являлись на фотографіи съ бутылками въ рукахъ подъ сѣнью зеленыхъ вѣтвей, обнявшись другъ съ другомъ... Кромѣ фотографій, тутъ было развѣшано нѣсколько гравюръ, изображавшихъ картины нѣмецкой жизни. Надъ обычнымъ мѣстомъ «сеньора» корпораціи, на стѣнѣ, висѣло трехцвѣтное шелковое знамя «Patagonia», а подъ нимъ — двѣ, положенныя крестъ-на-крестъ, обнаженныя шпаги. Надъ входомъ въ комнату висѣло изображеніе идеальнаго «фукса» въ видѣ лисицы, наряженной во фракъ и шапочку фукса, со шпагою и сигарою въ рту, идущей на заднихъ лапахъ. Нѣсколько дверей вели въ другія комнаты, въ которыхъ на столахъ, въ видѣ украшеній, стояли серебряные кубки и вазы, старинной затѣйливой работы, принесенные въ даръ старыми и новыми членами корпораціи. А еще далѣе шли залы обширной бібліотеки и небольшого собранія рѣдкихъ старинныхъ вещей и памятниковъ древности. Тутъ же стоялъ небольшой, но хорошій рояль и органъ, употреблявшійся для аккомпанимента при пѣніи любимыхъ студенческихъ пѣсенъ. Близъ бібліотеки находилась комната, гдѣ «альдерманъ» или «отецъ фуксовъ» разъясняли своимъ подчиненнымъ правила, качества и обязанности хорошаго фукса. Въ спискахъ

старыхъ членовъ «Patagoni'и» стояло немало видныхъ извѣстныхъ именъ, запимавшихъ въ ученое, административное финансовое и военное мѣсто высокія мѣста и выдающіеся посты... Когда-то «Patagonia» была очагомъ и добрымъ гениемъ-хранителемъ старыхъ студенческихъ традицій и преданій, воспитателемъ этихъ, теперь важныхъ людей, — и старая связь не порывалась до сихъ поръ.

Массивныя, рѣзбой украшенныя двери «конвентъ-квартиры» корпораціи то и дѣло отворялись и замыкались за входившими сеньорами, шаржиртерами (депутатами) и филистерами различныхъ корпорацій. «Patagonia» президировала въ этотъ семестръ, и сегодня долженъ былъ состояться въ стѣнахъ ея конвентъ-квартиры совѣтъ сеньоровъ и судъ буршей по поводу событія въ майскую ночь. Часть профессоровъ и всѣ должностныя лица различныхъ корпорацій уже собрались. Конвентъ былъ назначенъ какъ по особо важному случаю, а потому ждали прибытія должностныхъ лицъ университета. Наконецъ явились и тѣ. Секретари заняли свои мѣста, и своеобразное засѣданіе, подъ предѣтельствомъ одного изъ болѣе уважаемыхъ профессоровъ, началось. Странно для непривычнаго глаза и, вмѣстѣ съ тѣмъ, пріятно было видѣть, какъ запросто, но съ достоинствомъ и уваженіемъ другъ къ другу, сидѣли тутъ, рядомъ, старость и молодость, начинающіе ученики и свѣтила европейской науки, извѣстные своими великими научными подвигами, говоря тихими, сдержанными головами свои рѣчи и выслушивая рѣчи другихъ. По временамъ горячая, страстная юность, увлекаясь, порывалась перейти предѣлы такта и благоразумія, и тогда старый профессоръ-предѣдатель осторожно, но твердо останавливалъ оратора, напоминая ему о необходимости безпристрастія и хладнокровія. Сеньоръ «Curbatoni'и», высокій старый корпорантъ съ изрубленнымъ на многочисленныхъ дуэляхъ лицомъ, въ старой, проколотой во всѣхъ мѣстахъ шпагами, цвѣтной шапочкѣ *) и съ длиннѣйшими воинственно закрученными усами, рѣзко и горячо обвинялъ отъ имени своей корпораціи «Caledoni'ю» въ нарушеніи общестуденческаго закона и дерзкомъ поруганіи чести всего студенчества. Шаржиртеры «Cale-

*) По принятому обычаю, во время конвентовъ и вообще въ конвентъ-квартирахъ корпоранты сидятъ въ своихъ шпачкахъ,

doni'и> послѣдовательно излагали исторію своихъ отношеній съ обвинителями. Пренія длились нѣсколько часовъ. Было уже поздно. Черныя тучи такъ нависли надъ землей, а въ окна такъ мало проходило свѣта, что пришлось зажечь огни. Въ обширной залѣ становилось душно и жарко. Обсужденія и выслушиваніе показаній кончилось, и заинтересованныя стороны, по предложенію предѣдателя, удалились. Сильная своими связями и вліяніемъ на всѣ университетскія дѣла, «Curbatonia» почти была увѣрена въ успѣхѣ своего дѣла. Каледонцы знали это и были готовы на все. Нѣсколько минутъ по уходѣ ихъ длилось совѣщаніе собранія. Судъ сеньоровъ и филистровъ призналъ виновную «Caledoni'ю»; но, прежде чѣмъ постановить ^нрѣговоръ о товарищескомъ наказаніи, налагаемомъ на виновную корпорацію, ему пришлось смутиться неожиданностью. Вошедшій фуксъ объявилъ, что сеньоръ «Caledoni'и» проситъ немедленнаго свиданія съ предѣдателемъ. Старый профессоръ, филистръ и почетный членъ корпораціи «Caledonia», медленною старческою походкою отправился въ ту комнату, гдѣ ожидали шаржиртеры виновной корпораціи. Черезъ нѣсколько минутъ онъ возвратился въ залу вмѣстѣ съ сеньорами обѣихъ корпорацій и ихъ шаржиртерами.

— По порученію нашей корпораціи, возгласили шаржиртеры «Caledoni'и»: — имѣемъ честь заявить собранію почтенныхъ сеньоровъ и филистеровъ, что «Caledonia» болѣе не существуетъ... она сама объявляетъ себя закрытою... и ликвидируетъ свои дѣла!... — при этихъ словахъ сеньоръ и шаржиртеры «Caledoni'и» сняли свои цвѣтныя шапочки и ленты и передали ихъ своему филистеру — старому профессору.

Курбатонцы были пораженъ — отомстить, наказать и уничтожить врага изъ своихъ рукъ — не пришлось. Озлобленные и раздосадованные неполною удачей, они скоро ушли изъ собранія буршей.

Покопчивъ съ общественными вопросами, важныя юные судьи вмѣстѣ съ добродушными наставниками-профессорами, въ ожиданіи коммерша, который должна была устроить президирующая корпорація, принялись усердно за пиво и мирные разговоры о лекціяхъ, экзаменахъ и своихъ научныхъ занятіяхъ. Кружокъ профессоровъ, особенно старичковъ, дружески-просто подходилъ то

къ той, то къ другой группѣ молодежи, прислушиваясь, вступая въ разговоръ и припоминая старику и свое время, когда кровь бѣстрые текла въ жилахъ, а удаля не давала покою, когда дуэли были чаще, а молодежь — веселѣе и задорнѣе. — «О ја, ја wohl!...» протяжными голосами поддакивали они другъ другу, грустно качая серебряными головами. И видно было, съ какою задушевностью глядѣло это старое, отжившее — на новое, зеленое и молодое, сторонясь и заботясь о томъ, какъ бы не стѣснить, не смять и не подавить своею старческою опытностью и воркотнею эту распускавшуюся юность.

За хорошо сервированнымъ кофѣ или неумолкаемые разговоры и рассказы о бывшихъ и предстоящихъ дуэляхъ и послѣднихъ событіяхъ; припоминались прошлогоднія встрѣчи майской ночи и количество бывшихъ дуэлей послѣ нея. Въ одномъ мѣстѣ толковали о «факельцугѣ», устроенномъ недавно въ честь одного изъ уважаемыхъ профессоровъ... Вся ежедневная жизнь мѣстнаго студенчества, своеобразная и непохожая на студенческій бытъ остальныхъ русскихъ университетовъ, обрисовывалась и ярко выступала въ этихъ толкахъ и разговорахъ. И видно было, что студенчество знало и чувствовало это различіе между нимъ, — здоровымъ, сильнымъ и физически крѣпкимъ отъ безпрестанныхъ гимнастическихъ упражненій и разнообразныхъ мускульныхъ занятій, и тѣмъ сосѣднимъ студенчествомъ — чахламъ и бѣднымъ отъ недостатка воздуха и свѣта... Какую рѣзкую противоположность представляли между собою этотъ краснощекий, высокій и плотный казенный буршъ, выросшій тутъ и прошедшій мѣстную школу и этотъ худощавый, блѣдный, уже обладавшій большимъ отвислымъ животомъ — слѣды катарровъ и сидячей нездоровой жизни, — студентъ, перешедшій изъ русскаго университета!... Правда, первому мерещилось впереди обезпеченное положеніе и безпечальное житье на тепломъ и сытномъ мѣстѣ, а второй былъ погруженъ въ мечты и думы о всеобщемъ благополучіи; правда, первый жилъ на готовыя средства, а второй перебивался изо дня въ день, со страхомъ помышляя о послѣднихъ срокахъ взноса платы въ университетъ; зато первый несомнѣнно обладалъ несомнѣннѣйшимъ человѣческимъ счастьемъ — полнымъ здоровьемъ, крѣпостью и силою сво-

ихъ мышць, постоянною бодростью и веселостью духа, второй же... по этотъ второй знакомъ всякому соотечественнику.

...Наконецъ начался «коммершъ». Длинный простой деревянный столъ и такія же скамьи, окрашенные въ сѣрую масляную краску, были выдвинуты на средину залы, и собраніе буршей съ подобающей важностью, точно готовясь къ какому священнодѣйствію, надѣвъ свои цвѣтныя шапочки, разсѣлось длинными рядами вокругъ стола. Этому предшествовало нѣсколько рѣчей, сказанныхъ на нѣмецкомъ языкѣ и съ горячею восторженностью, трактовавшихъ о прелести молодой дружбы, товарищества, минувшихъ годахъ прошлаго и свѣтлыхъ надеждахъ на будущее. При дружномъ кликѣ «hoch!» былъ предложенъ и выпить первый тостъ за общую веѣмъ alma mater — университетъ и его процвѣтаніе. Потомъ, подъ звуки органа, была пропѣта величавая міровая студенческая пѣсня «gaudeamus»... А въ окна уже глядѣла темная отъ низко нависшихъ косматыхъ тучъ, свѣжая, душистая майская ночь; а зазеленѣвшія молодыми почками липы и нарядныя ели тихо шумѣли и шептались межъ собой, заглядывая въ окна къ пирующей молодежи, гордой своимъ настоящимъ, а еще болѣе — будущимъ, и тихо догаравшей старости, окидывавшей теперь умственнымъ взоромъ честно пройденный жизненный путь и небезполезную долгую трудовую жизнь... Смолкли старые счеты, и подъ звуки стакановъ, при дружелюбномъ взаимномъ «prosit*!» студенчество пировало, забывая и науки, и свою важность, и превращалось въ ту милую, беззавѣтно преданную идеаламъ молодости, счастья и добродушія молодежь, черты которой такъ свойственны молодежи всѣхъ странъ и національностей безъ различія. По господствовавшему мѣстному студенческому обычаю, пили изъ одного стакана, причемъ всегда звучало неизбежное въ такихъ случаяхъ „prosit!“

Въ разгарѣ «коммерша» двое изъ почетнѣйшихъ сеньоровъ, знаменитѣйшихъ по количеству выпиваемаго пива и числу сдѣланныхъ дуэлей, выйдя изъ товарищескаго круга, стали по срединѣ залы и, скрестивъ острія принесенныхъ фуксами шпагъ, ждали въ торжественнонеподвижной позѣ исполненія присутствующими ста-

*) Воскличаніе, которымъ сопровождается каждый выпиваемый стаканъ пива.

риннаго обряда добрыхъ буршей. Хоръ поднявшихся за столомъ пѣвцовъ, запѣлъ какой-то необычайно воинственный нѣмецкій гимнъ. Каждый изъ участниковъ коммерша подходилъ къ стоявшимъ съ обнаженными шпагами комильтонамъ, снималъ съ головы свою шапочку и съ силою бросалъ ее на скрещенныя острия шпагъ, такъ что дно фуражки прокалывалось насквозь. Хоръ пѣлъ при этомъ какія-то не то заклятія, не то обѣщанія вѣрности до конца жизни студенческимъ статутамъ и своей корпораціи... Молодежь такъ, часто отвергающая формы, обрядность, въ общихъ массахъ своихъ все таки любить это и часто даже замѣняетъ разрушаемое своими собственными причудливыми выдумками. А здѣсь еще имѣли значеніе эти старинныя преданія и традиціи мѣстнаго студенчества, свято сохранившія и поддерживавшія все эти странные средневѣковые формы и обряды...

Два „КОМИЛЬТОНА“.

Студентъ медицины Ивановъ и старый членъ корпораціи «неотевтониковъ» буршъ Нейманъ жили вмѣстѣ, въ одной квартирѣ. Комната ихъ, какъ и большинство мѣстныхъ студенческихъ квартиръ, помѣщалась подъ крышей двухэтажнаго небольшого домика, принадлежавшаго одному почтенному толстому бюргеру; чтобы достигнуть жилища этихъ двухъ студіозусовъ, нужно было войти на маленькій, поросшій травою, дворъ и затѣмъ подняться по двумъ крутымъ деревяннымъ лѣстницамъ вверхъ, на чердакъ. Тутъ направо и налево виднѣлось по одной двери. Дверь направо вела въ комнату фрейлейнъ Амаліи, славной дѣвушки, занимавшейся визаньемъ чулокъ и перчатокъ, по преимуществу проводившей время въ скверахъ, паркѣ или на маленькихъ балахъ и маскарадахъ; дверь же налево, украшенная двумя визитными карточками и ящикомъ для писемъ, — въ жилище двухъ «комильтоновъ»-студентовъ.

Стужанка-эстонка именovala и того, и другого комильтона «юнгерами», но это было несовѣмъ справедливо: «юнгерь» Ивановъ былъ, дѣйствительно, болѣе или менѣе близокъ къ этому названію, такъ какъ имѣлъ не болѣе двадцати пяти лѣтъ отъ роду, носилъ небольшіе усы и маленькій клокъ темныхъ волосъ

на подбородкѣ, вѣчно мурлыкалъ про себя или насвистывалъ какіе-нибудь замысловатые мотивы собственнаго изобрѣтенія и питалъ безпредѣльную, но вполнѣ платоническую любовь и уваженіе къ наукѣ и ея представителямъ, къ числу которыхъ онъ присоединялъ и своего сожителя Неймана, проходившаго уже чуть не третій факультетъ и штудировавшаго науку вотъ уже семнадцать лѣтъ или тридцать четыре семестра.

Негг Нейманъ былъ уроженецъ Остзейскаго края. Онъ считалъ себя истымъ буршемъ, способнымъ всегда показать себя тѣмъ, чѣмъ долженъ быть бравый буршъ. Факультеты онъ мѣнялъ и нѣкоторыя оканчивалъ, во-первыхъ, потому, что его почтенный «фатеръ», занимавшій нѣкогда мѣсто пастора въ П—скомъ округѣ, умирая, оставилъ завѣщаніе, по которому проценты съ довольно кругленькаго капитала поступали въ распоряженіе Фрица лишь до тѣхъ поръ, пока онъ будетъ штудировать науку; а во-вторыхъ, и главное, — потому, что ему очень нравились веселая студенческая жизнь. Нейману было уже сорокъ два года, но онъ казался на видъ бывалымъ лихимъ кавалеристомъ, хотя и съ такими же длиннѣйшими, воинственно приподнятыми усами, но безъ короткой венгерки и съ длиннѣйшей густой эспаньолкой. Въ выраженіи его продолговатаго лица всегда было что-то необычайно-серьезное и важное, но вмѣстѣ съ тѣмъ неудержимо веселое, беззаботное и удалое; давнишній глубокій шрамъ отъ дуэли разсѣкалъ его лобъ до самыхъ бровей. Какъ старый буршъ, онъ пользовался почетомъ и вліяніемъ въ своей корпораціи. Одно время онъ даже былъ выбранъ «сенъоромъ»; но, наскучивъ исполненіемъ своихъ необыкновенно важныхъ и торжественныхъ обязанностей, пробылъ въ этомъ званіи только одинъ семестръ. Жизнь Неймана распалась на двѣ — на жизнь дома и въ университетѣ, и на жизнь въ корпораціи и ея кнейпахъ *). Когда онъ жилъ первою полосою жизни, т. е. неизмѣнно присутствовалъ въ аудиторіяхъ, клиникахъ университетскихъ кабинетахъ и въ своей студенческой квартирѣ, это былъ сосредоточенно серьезный и, повидимому, безконечно пре-

*) Каждая корпорація имѣетъ свои кнейпы или кабаки, куда кромѣ членовъ корпораціи, никто не допускается.

данный наукѣ человекъ. Онъ по цѣлымъ суткамъ высиживалъ у своего столика за лекціями и надъ микроскопомъ, тщательно записывая, читая и конспектируя. При этомъ неизмѣнно откуда-то добывался человѣческій черепъ съ зияющими черными впадинами глазъ и носа; на полкахъ и стѣнахъ, къ немалому ужасу старой эстонки, раскладывалось и развѣшивалось множество костей, засушенных анатомическихъ препаратовъ и т. п. атрибутовъ учености. Самъ Нейманъ, въ старомъ пальто вмѣсто халата и какомъ-то удивительномъ колпачкѣ, связанномъ и подаренномъ ему какою-то Гретхенъ, являлъ видъ чрезвычайно ученый и напряженно-задумчивый. Казалось, Нейманъ самъ недоумѣвалъ, что ему собственно нужно, и для чего поднята вся это ученая возня?.. Когда же въ немъ просынался членъ благородной корпораціи «Neuteutonia» и духъ воинственнаго бурша, тогда наука торжественно отправлялась частью въ пыльные углы скромнаго жилища его, частью въ шкафы на нижнія полки. Верхушка черепа снималась и обращалась въ пепельницу. На столѣ, вмѣсто микроскопа и скальпеля, появлялись старая, много послужившая на своемъ вѣку, рапира и цѣлая батарея пивныхъ бутылокъ. Умный, красивый, похожій по цвѣту шерсти на пантеру, датскій догъ Ральфъ чинно и съ достоинствомъ укладывался у ногъ хозяина, сидѣвшаго въ своей любимой позѣ — верхомъ на стулѣ, — изрѣдка поглядывая на него своими умными серьезными глазами. Herr Нейманъ въ этихъ случаяхъ всегда былъ веселъ, разговорчивъ и даже уступчивъ. Иногда онъ принимался философствовать.

— Что такое Weltschmerz — мировая скорбь?! говорилъ онъ, глубокомысленно глядя на своего комильтона и сожителя по компаніѣ, студента Иванова. Я не понимаю этого, *das ist...* Но, bitte, Herr Ивановъ, — имѣете ли вы сказать свой Meinung по этому поводу?!

— А чортъ его знаетъ, Herr Нейманъ! ворчалъ сквозь зубы Herr Ивановъ, лежа на койкѣ и пуская кольца дыма. Голова его была занята въ настоящее время вовсе не «мировою скорбью», а веселымъ хохотомъ, доносившимся съ лѣстницы: то возвращается съ прогулки съ кѣмъ-нибудь изъ подругъ ихъ сосѣдка, фрейлейнъ Амалія, и студентъ усиленно обдумываетъ, какъ бы это или по-

пасть на вечерній чай къ ней въ завѣтную комнатку, или зазвать къ себѣ на пиръ ея обитательницъ.

— Weltschmerz, продолжаетъ невозмутимо Herr Нейманъ, наливая себѣ пиво въ кружку: — это, чертъ возьми, штука вовсе не хитрая!.. Но не будь я старый буршъ и поколоти меня первый нашъ фуксъ, если я что-нибудь понимаю въ этомъ проклятомъ Weltschmerz!.. Ja wohl!.. Das Glück, — das Unglück, so! aber was ist Weltschmerz?!? И Нейманъ задумчиво горестно опустил свою лысѣвшую голову и, не разрѣшивъ вопроса, машинально, по привычкѣ, сталъ наливать изъ бутылки пиво. Потомъ, немного посидѣвъ, онъ сталъ въ позу, взялъ рапиру и началъ фехтовать, нападая и отражая удары невидимаго противника. Вдругъ Ральфъ зарычалъ. Буршъ остановился и оглянулся назадъ. Послышался стукъ въ дверь.

— Herein! крикнулъ вило Ивановъ.

Вошелъ молоденькій, необыкновенно блѣдный и серьезный студентикъ, фуксъ корпораціи «Neuteutonia».

— Moin!*) сказалъ онъ обычное привѣтствіе.

— Moin! сдержанно и немного строго отвѣтилъ ему Herr Нейманъ. Фуксъ молча передалъ ему листокъ литографированной бумаги, гдѣ по-нѣмецки было написано извѣщеніе всеѣхъ членовъ студенчества и корпорацій о «рукунгъ»**) одного изъ комильтоновъ за проступки противъ чести.

— Кромѣ того, заговорилъ по-нѣмецки тихимъ голосомъ фуксъ, — достопочтенный сеньоръ «Neuteutoni'i» назначилъ на завтра «конвентъ» по поводу рукунга и объявленія «виѣ закона» кауфмана Зольца и отѣля «Леноре», позволившихъ себѣ оскорбить неприличнымъ выраженіемъ честь студенчества...

— Gut! коротко сказалъ Нейманъ и потомъ прибавилъ: — ты не знаешь, за что рукунанъ Робергъ?!

— Въ дракѣ съ «кнотами» покинулъ комильтона...

— Негодяй! съ искреннимъ негодованіемъ сказалъ Herr Нейманъ, надвигая на то мѣсто головы, гдѣ была его лысина, цвѣтную

*) Moin — испорченное «Morgen».

**) «Рукунгъ», «рукунать» — наказаніе, которому подвергается по суду товарищей провинившійся студентъ, съ которымъ прекращается поэтому всякое сообщеніе.

шапочку: — это не бурши, а... тутъ Нейманъ употребилъ нѣсколько рѣзкое выраженіе и съ ожесточеніемъ сталъ крутить свой усъ. — Фуксъ, сказалъ онъ, немного успокоившись: — есть ли съ тобою твои принадлежности?!. Тогда откупоривай бутылки и набей мнѣ трубку!!.

Молодой студентъ, доставъ изъ кармана штопоръ, молча исполнилъ приказаніе. Ивановъ съ выраженіемъ лѣниваго сожалѣнія на лицѣ слѣдилъ за нимъ взглядомъ. Фуксъ налилъ въ стаканъ Неймана пива. Тотъ отпилъ половину и долилъ опять, проговоривъ обычное «prosit!» Выпилъ и фуксъ.

— Да, Негг Ивановъ, — рѣдки теперь истые бурши и хорошіе фуксы!.. Только въ нашей корпораціи и можно еще встрѣтить и то, и другое... сказалъ нетвердымъ голосомъ Нейманъ. — Фуксъ, вдругъ закричалъ онъ грозно: — прыгай черезъ этотъ стулъ! — и быстрымъ движеніемъ руки онъ бросилъ на средину комнаты стулъ. Фуксъ, неловко и стыдливо оглядываясь, разбѣжался и прыгнулъ черезъ стулъ. — Еще! Еще!! кричалъ бурши, слѣдя за его прыжками. Фуксъ прыгалъ. Ивановъ отвернулся къ стѣнѣ и что-то ворчалъ.

— Молодецъ, фуксъ! кричалъ Нейманъ: — ты скоро получишь «фарбенъ» (шапочку и ленту), я скажу сеньорамъ!..

Фуксъ просіялъ отъ радости и ушелъ разносить по другимъ квартирамъ извѣщеніе о рукунгѣ. Ивановъ все лежалъ, безцѣльно глядя предъ собою. Нейманъ продолжалъ пить пиво.

— Нѣтъ, самъ достопочтенный сатана и святой отецъ Лютеръ, заговорилъ опять Нейманъ: — не увѣряйте меня въ томъ, что есть старое студенчество, бурши и фуксы!.. Ахъ, Негг Ивановъ, вы и представить себѣ не можете, что за жизнь тогда была чудесная!.. Бывало, наступить, какъ теперь, весна. Ночь. Ступайте въ нашъ старый паркъ, притаитесь въ руинахъ древняго монастыря и смотрите въ оба глаза... слушайте... Студенчество пируетъ по оврагамъ, дебрямъ и добрымъ укромнымъ мѣстечкамъ. Кнейпы въ это время бывали пусты, — что дѣлать тамъ, въ этихъ старыхъ душныхъ берлогахъ?.. Заберется, бывало, товарищество въ чащу зелени, въ темный логъ какой-нибудь, велить фуксамъ тащить короба съ пивомъ, — тогда фуксы были не то, что теперь: сильные,

ловкіе и сообразительные, сами угадывали, что нужно дѣлать въ ихъ положеніи, — и сидить тамъ нѣсколько сутокъ подъ рядъ, выпивая доброе пѣмецкое пиво и распѣвая старыя добрыя студенческія пѣсни... Комильтоны — все на подборъ истыя бурши... Въ обиду другъ друга не дадутъ, предъ самимъ сатанюю не отступятъ ни на шагъ!.. А ужъ если бы вы видѣли, Негг Ивановъ, какъ дьявольски ловко владѣли эти молодцы ранирою!.. О, это былъ воинственный народъ, могу вамъ сказать!.. Да, это были настоящіе бурши. Вы знаете улицы нашего города — онѣ узки, а нѣкоторыя отъ высокихъ домовъ и темны. И, конечно, студенчество по ночамъ разгуливало по этимъ улицамъ, давая серенады или кошачьи концерты подъ окнами красотокъ. Ну, конечно, бывали встрѣчи... соперниковъ, оскорбленныхъ, и тогда бурши обнажали свои шнаги, и «нахтвехтеры» (ночные сторожа) кричали въ окна почтенныхъ бюргеровъ, чтобы они не тревожились, что это дерется межъ собою благородное студенчество! О, это было славное время, Негг Ивановъ; бурша никто не смѣлъ трогать, хотя, какъ вы знаете, и теперь насъ смѣтъ касаться лишь университетская полиція, а судить свой судъ, — но это все не то, что было!.. И это милое время прошло, и оно не воротится никогда. Да, никогда... — Тутъ Нейманъ горестно умолкъ и поникъ. Но это продолжалось недолго. Опъ налилъ себѣ пива и продолжалъ съ большимъ воодушевленіемъ: — знаете ли вы, что студентъ былъ самое почетное лицо въ городѣ, что нашъ конвентъ сеньоровъ съ ректоромъ и профессорами во главѣ могъ изгонять изъ города гражданъ, судить, карать и миловать ихъ?! Слыхали ли вы про то, какъ во время ссоръ одна корпорація осаждала конвентъ-квартиру другой и брала ее штурмомъ?! О, это было прекрасное время, Негг Ивановъ, и оно уже прошло. Такъ мы сказали себѣ, Негг Ивановъ, но мы помнимъ ее, эту славную пору студенчества, Негг Ивановъ... О, тогда самъ достопочтенный бургомистръ и весь магистратъ города боялись и уважали насъ, — потому что студенчество было въ силѣ и могло отомстить... О, тогда было не то, Негг Ивановъ!..

Нейманъ механически наливалъ себѣ стаканъ за стаканомъ и также машинально проглатывалъ пиво. Нанѣсколько минутъ онъ умолкъ.

— Ну, что-жъ въ этомъ толку-то было? лѣниво произнесъ Ивановъ, не глядя на комильтона. Тотъ встрепенулся.

— Was ist das «толкъ»?!. Ахъ, ја, — результатъ!?!.. О, въ этомъ большой толкъ... Да, Негг Ивановъ, — большой толкъ. Какіе это были храбрецы, и какая была эта удаля и молодечество!!.. О, эти люди могли потомъ вѣрно служить своему государю, Негг Ивановъ, и проливать свою кровь за отечество, lieber Негг Ивановъ!.. Да, такихъ нѣтъ уже, не правда ли, Негг Ивановъ?.. Они были и достаточно-учены, если бы вы знали, Негг Ивановъ... О, изъ нихъ выходили ученые, которыхъ потомъ зналъ весь свѣтъ, и которые много сдѣлали для науки. И они были также хорошие совѣтники своего государя и хорошие солдаты, Негг Ивановъ. О, да! Это были истые патриоты. Они какъ слѣдуетъ провели свою молодость и хорошо держали свою старость. Всею свое время, не правда ли, Негг Ивановъ?! Нейманъ остановился. — Знаете ли, сказалъ онъ, глубокомысленно помолчавъ: — у васъ есть очень умная пословица: «помелится — и будетъ мука» — ъ, это есть очень умная пословица!.. — такъ вотъ и наша жизнь... она тоже въ началѣ долженствуетъ помелиться... да, Негг Ивановъ, это такъ нужно... И пиво, и дуэли, и веселое житье, и все пужно... — Смыслъ нуженъ во всемъ...

— О, да, конечно!.. Это такъ, Негг Ивановъ. Но скажите мнѣ, прошу васъ, — почему ваше русское общество студентовъ здѣсь не вступается за своихъ членовъ? Почему позволяетъ имъ поступки... ну, да, конечно, вы извините меня, не правда ли?!.. поступки несвойственные студенту?.. Почему оно пользуется дурною репутаціей?!.. Нейманъ побѣдоносно-вопросительно смотрѣлъ на русскаго студента. Тотъ, очевидно, затруднялся отвѣтомъ. — Вотъ видите ли, Негг Ивановъ, снова началъ Нейманъ: — среди васъ есть тоже хорошие комильтоны и бурши, но они не имѣютъ буршикознаго духа... Они не фордируютъ*) за оскорбленіе и всегда позволяютъ себѣ выраженія... другъ на друга... Нейманъ замаялся и сталъ сосредоточенно тянуть свое пиво.

— Да чортъ ли въ томъ?!.. небрежно сказалъ Ивановъ, по-

*) Вызывать на дуэль.

вертываясь на бокъ: — а, впрочемъ, бросимъ это, — надоѣло! сказалъ онъ. — Слушайте, Herr Нейманъ, есть ли у васъ сейчасъ деньги?!.. Нужно пить чай.

Herr Нейманъ опустилъ руку въ карманъ своего пальто и вытащилъ оттуда свернутыя въ комокъ бумажки.

— Gut! сказалъ онъ: — мы имѣемъ...

— Знаете ли, Herr Нейманъ, проговорилъ Ивановъ: — хорошо было бы пить чай сегодня вмѣстѣ съ фрейлейнъ Амаліей и ея подругой...

— Ja, wohl.. natürlich... Ну, да!.. промывчаль почтенный членъ корпораціи «Неотевтонія», наливая себѣ еще стаканъ пива.

— Но какъ пригласить ихъ сюда?!...

— Ну, да... ja!.. въ этомъ весь вопросъ! согласился Herr Нейманъ.

Ивановъ съ рѣшительнымъ видомъ поднялся съ постели. Онъ подошелъ къ маленькому кривому зеркальцу, висѣвшему на стѣнѣ, и привелъ въ порядокъ свои длинные кудрявые волосы. Нейманъ молча пилъ свое пиво. Ральфъ поднялъ голову, слѣдя умнымъ, серьезнымъ взглядомъ за ходившимъ по комнатѣ русскимъ студентомъ. Послышался опять стукъ въ дверь, и послѣ обычнаго «herein!» вошла служанка, чтобы взять «чайную машину» (Theemaschine) — жестяной кофейникъ, похожій на самоваръ и приготовляемый мѣстными фабрикантами исключительно для студенчества.

Иду и приглашу! торжественно сказалъ Ивановъ, идя къ двери.

— Gut! одобрилъ Herr Нейманъ.

— Придетъ, но одна... съ сожалѣніемъ объявилъ, входя черезъ нѣсколько времени въ комнату, Ивановъ. Herr Нейманъ тупо посмотрѣлъ на него и налилъ себѣ пива.

Спустя нѣсколько минутъ на небольшомъ кругломъ столѣ шипѣлъ и свистѣлъ жестяной кофейникъ-самоваръ, вокругъ котораго были разложены булки, печенье и бутерброды. Фрейлейнъ Амалія, розовая бѣлокурая нѣмочка съ большими свѣтло-голубыми глазами и пунцовыми сочными губками, одѣтая въ хорошенькое, но простенькое платье и кокетливую шляпку, хозяйничала, разливая чай и угощая молодыхъ людей кофеемъ изъ принесеннаго съ собою новаго блестящаго кофейника.

Фрейлейшъ Амаля была давно знакома со студентами. Еще съ тѣхъ самыхъ поръ, она знала ихъ, какъ обзавелась своимъ «Fressbräutigam'омъ»*), теперь уже давно о кончившимъ курсъ фармацевтомъ, отличнымъ и солиднымъ молодымъ нѣмцемъ, хотя уже и получившимъ мѣсто гдѣ-то въ Россіи, но забывшимъ свою Амальхенъ. Фрейлейшъ Амаля очень любила, по старой памяти, всѣхъ студентовъ вообще и, когда была жива ея «мutterхенъ», содержавшая нѣчто въ родѣ кухмистерской, она всегда упрашивала ее давать по праздникамъ не три, а четыре блюда обѣдавшимъ у нихъ студентамъ. «Они такіе бѣдные!» говорила она, закатывая свои голубые глазки. Но Mutterхенъ справедливо жаловалась, что эти «бѣдные», получивъ деньги, предпочитаютъ отдавать ихъ содержателямъ пивныхъ и кондитерскихъ, нежели ей, и оттого происходитъ большой упадокъ въ ея дѣлахъ, и она непременно закроетъ свою кухмистерскую. Но фрейлейшъ Амаля всегда такъ убѣдительно говорила своей Mutterхенъ о величій безкорыстной добродѣтели, и такъ умильно говорила: «ахъ, какіе они бѣдные и одинокіе!» — что почтенная фрау Эмилія, имѣвшая къ тому же гдѣ-то въ Россіи сына (очень прекраснаго молодого человѣка и почтительнаго юношу-сына!), служившаго въ аптекѣ, всегда умилялась и сочувственно глядѣла на волчій аппетитъ бѣдныхъ молодыхъ людей и великодушно прибавляла по праздникамъ еще одно кушанье, а главное — могла безконечно долго ждать расплаты за обѣды, взятые на «пуфъ». Теперь доброй старой фрау уже не было на свѣтѣ, но фрейлейшъ Амаля питала тѣ же чувства къ студенчеству,

Молодежь весело болтала, сидя за круглымъ столомъ. Негг Нейманъ, несмотря на то, что выпилъ много пива, былъ необыкновенно разговорчивъ и любезенъ. Славою и гордостью благородной корпораціи «Неотевтонія» была установившаяся репутація за ея членами, какъ самыхъ ловкихъ и любезныхъ дамскихъ кавалеровъ, и Негг Нейманъ, хотя и съ нѣкоторыми усиліями, но старался поддерживать теперь эту репутацію.

*) «Fressbräutigam» — этимъ именемъ въ Дерптѣ называютъ жениховъ-студентовъ, живущихъ до окончанія курса въ университетѣ на счетъ родителей невесты или на ея средства, обязавшихся честнымъ словомъ жениться потомъ на своей невестѣ. Но иногда случаются и нарушенія честнаго слова...

— Ахъ, danke sehr! поблагодарила фрейлейнъ Амалія, когда Herr Нейманъ, подаль ей упавшую чайную ложечку.

— Фрейлейнъ Амалія, сказала, вставая и чуть-чуть пошатываясь, Herr Нейманъ: — я желалъ бы спѣть въ честь вашего пребыванія у насъ серенаду... Вы позволяете это, фрейлейнъ Амалія?!

— О, вы очень любезны, Herr Нейманъ! промолвила розовая отъ удовольствія дѣвушка, въ то же время быстро и лукаво взглянувъ на сосредоточенно пившаго чай Иванова, которому уже давно симпатизировала.

Herr Нейманъ подошелъ къ стѣнѣ и снялъ висѣвшую тамъ цитру — музыкальный инструментъ, очень распространенный въ Дерптѣ. Онъ провелъ рукой по струнамъ, вызвавъ мелодическій, тихій и пѣжный аккордъ. Ральфъ поднялъ уши и потянулъ носомъ. Лучи заходящаго солнца проникали въ окно, играли по стѣнамъ, на лезвіи старой блестящей шпаги, и освѣщали фигуру стоявшаго, откинувъ назадъ голову въ цвѣтной шапочкѣ, Неймана съ цитрою въ рукахъ, устремившаго задумчиво взглядъ куда-то въ пространство. Помолчавъ немного, онъ запѣлъ надтреснутымъ, немного хриплымъ голосомъ какую-то старую нѣмецкую балладу, аккомпанируя себѣ тихими, слабо дребезжавшими, мелодичными переливами цитры. Пѣніе было несовсѣмъ правильное, но — что называется — съ душой. Къ тому же, голосъ Неймана обладалъ мягкимъ приятнымъ тембромъ и слегка вибрировалъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ пѣсни. Фрейлейнъ Амалія слушала, склонивъ на бокъ красивую головку и сантиментально сложивъ розовыя губки. Ивановъ медленно мѣшалъ ложечкой чай. Лучи солнца гасли и замирали въ предпоследнихъ переливахъ. Въ открытое окно откуда-то доносились звуки стараго разстроеннаго рояля; гдѣ-то слышались пѣвучіе и протяжные аккорды органа. Со стороны парка несся ароматъ травы и цвѣтущихъ липъ, шумъ и звуки пѣсенъ, распѣваемыхъ студентами. Нейманъ самъ увлекся своимъ пѣніемъ и почему-то вспомнилъ раннюю молодость, умершую «мutterхенъ» и все минувшее; лицо его приняло мечтательно-задумчивое и грустное выраженіе... Пѣсня кончилась. Замеръ послѣдній, пѣжный звонъ цитры. Умолякъ и Нейманъ. Нѣсколько секундъ длилось молчаніе.

— Ахъ, какъ это хорошо!.. сказала фрейлейнъ Амаля: — danke sehr! danke sehr, Herr Нейманъ! — и она даже сдѣлала книксенъ почтенному члену «Неотевтонии»: — вы очень любезны, Herr Нейманъ!..

— О, ја, фрейлейнъ Амаля!.. Мы, фрейлейнъ Амаля, — бурши, мы студенты, фрейлейнъ Амаля... въ нашихъ статутахъ и уставахъ, фрейлейнъ Амаля, есть о томъ, чтобы быть любезными и защищать до послѣдней капли своей крови честь женщины... насъ напрасно обвиняють въ дикости и грубости нравовъ, — фрейлейнъ Амаля, мы никогда не обидимъ ребенка, старика или женщину... вѣтъ, мы всегда ихъ защитимъ, мы должны это сдѣлать, фрейлейнъ Амаля!.. Не то, что пришедшіе сюда русскіе студенты-разрушители!.. Нейманъ, замѣтившій взгляды и улыбки, которыми обмѣнивались между собою молодые люди, гнѣвно посмотрѣлъ на Иванова. Тотъ глядѣлъ въ сторону и улыбался. Фрейлейнъ Амаля сидѣла, скромно опустивъ внизъ свои глазки. —

Знаете ли, фрейлейнъ Амаля, они, эти русскіе студенты, пришли къ намъ, а не мы къ нимъ, въ ихъ «фатерландъ»... Они все только разрушаютъ, фрейлейнъ Амаля, но ничего не создаютъ!.. Это нехорошо, фрейлейнъ Амаля, забраться не въ свой фатерландъ и все разрушать!.. И ихъ русскія газеты кричатъ, что ихъ обижаютъ тутъ и клевету дѣлають на насъ, фрейлейнъ Амаля, и обманываютъ свое правительство, фрейлейнъ Амаля... и это нехорошо, фрейлейнъ Амаля!..

Въ это время фрейлейнъ Амаля, догадавшись о причинѣ гнѣва Herr'a Неймана и думая, что онъ не смотритъ на нее, улыбнулась.

— Чему вы улыбаетесь, чортъ возьми!! закричалъ, векакивая какъ бѣшеный, Нейманъ: — я покажу тебѣ, кто — ты!!. грубо заоралъ онъ на фрейлейнъ Амалию, смертельно испугавшуюся этой выходки.

Ивановъ, блѣдный, поднялся со своего мѣста и молча смотрѣлъ на комильтона. Онъ былъ гораздо сильнѣе Неймана и перѣдко побѣждалъ его въ борьбѣ. Нейманъ неприлично выругался и ушелъ, хлопнувъ дверью. Ивановъ всталъ и заперъ за нимъ дверь на ключъ. Потомъ онъ сталъ ходить по комнатѣ. Фрейлейнъ Амаля, робко поглядывая на него, сидѣла на диванѣ. Успокоившись, онъ подо-

шелъ и сѣлъ возлѣ нея. Совсѣмъ сечерѣло. Было тихо и тепло. Съ улицы изрѣдка доносились негромкіе одиночные голоса разговаривавшихъ сосѣдей, и то далеко, за околицей, то совсѣмъ близко лаяли собаки. Съ главныхъ улицъ едва доносился стукъ проѣзжавшихъ по гранитной мостовой извозничьихъ дрожекъ. Иногда хлопала калитка, или слабо звякала звонокъ. На рѣкѣ, сверкавшей вдали стальной блестящей полосой, гдѣ-то далеко-далеко раздавалась заунывная чухонская пѣсня...

— Ваночка!.. шептала смѣшно по-русски, пѣжно ласкаясь къ студенту, фрейлейнъ Амалія: — Ваночка, я очень тебя люблю!..

Комната совсѣмъ погрузилась въ мракъ; тишина нарушалась лишь рѣдкимъ прерывистымъ дыханіемъ молодой парочки, да пѣжнымъ шопотомъ Амаліи. Карманные часы быстро и весело тикали на столѣ, торопясь и догоняя уходившее время. Изъ всѣхъ угловъ комнаты смотрѣла таинственная темнота... Двѣ мыши осторожно пробирались къ столу, чтобы поживиться оставшимися хлѣбными крошками. Гдѣ-то тихо и равномерно капала вода. Понималась легкій шорохъ и какой-то слабый, едва уловимый трескъ...

Шумъ и жизнь улицы уже смолкли и не врывались въ комнату. Все засыпало или готовилось заснуть. Медленно, но неотразимо ночь и сонъ вступали въ свои права, все покоряя и оцѣпляя своими могучими оковами. Пьяный эстонецъ и пѣмецъ, пошатываясь, шли по улицѣ, тихо мурлыкая каждый свою пѣсню. Старые, неуклюже одѣтые «пахтвехтеры»*), съ маленькими желѣзными старинными аллебардами на длинныхъ палкахъ, уже сидѣли на углахъ улицъ, переговариваясь другъ съ другомъ. На древней городской ратушѣ часы тонкимъ звономъ пробили двѣнадцать. Одиночные «фурманы» и «цвейшпенеры»**) стояли вытянутой линіей предъ зданіемъ ратуши и дремали, сидя на своихъ козлахъ. На Рыцарской улицѣ и въ скверахъ уже появились медленно гуляющія и осматривающіяся по сторонамъ особы. Подъ древнимъ гранитнымъ, поросшимъ мохомъ и построеннымъ еще повелѣніемъ Екатерины II, мостомъ съ замысловатою латинскою надписью медленно и грузно тянулись куда-то вдаль одна за другой неуклюжія

*) Ночные сторожа.

**) Извозчики.

лодки и барки съ дровами. Длинные черепахообразные дровяные плоты, съ мужикомъ въ красной рубахѣ и длиннымъ шестомъ въ рукахъ, держались ближе къ берегамъ. Старый, глубокий Эмбахъ блестялъ и то тихо переливался серебромъ подь лучами луны, то отражалъ на поверхности своихъ быстрыхъ и глубокихъ водъ береговые огни и огни маленькихъ проворно скользившихъ лодокъ. Гдѣ-то стоналъ и пыхтѣлъ большой, только что пришедшій съ озера Пейпуса, пароходъ. Небольшая группа студентовъ, стоя у маленькой лодки, громко и оживленно толковала между собою, приготовляясь къ отплытію за нѣсколько десятковъ верстъ. Сонные барочники-мужики, пришедшіе сюда на своихъ лодкахъ изъ русскихъ губерній, изрѣдка просыпаясь, поднимали головы, прислушиваясь къ громкому говору студентовъ, крѣпко выругивались и снова, уткнувъ головы, засыпали.

Маленькій городокъ, какъ сплошной памятникъ сѣдой, давно-давно отжившей старины, также засыпалъ и умолкалъ, весело и во снѣ бѣлѣя среди обширнаго моря зелени своими чистыми бѣлыми трубами и красными черепичными крышами. А тамъ, за околицей, гдѣ стояли со своими полотняными крыльями мельницы, тихо дремали и засыпали зеленя, покрытыя густою растительностью, поля, въ нѣдрахъ которыхъ хранится, такъ трудно преодолюваемый пахаремъ-эстонцемъ или латышемъ, твердый сѣрый гранитъ; бѣжали, извиваясь и пропадая въ дали, шоссированныя дороги, обсаженные съ обѣихъ сторонъ деревьями; тихо шумѣли хвойные лѣса и зеленѣли обманчивыя торфяныя болота... Все засыпало или спало въ маленькомъ городкѣ студентовъ... Спалъ задумчиво вялый латышь, и толстый лѣнивый эстонецъ, и самоувѣренный мѣстный культуртрегеръ-нѣмецъ, и пришлецъ-русскій... Спало бюргерство и большая часть студенчества, доходами съ котораго преимущественно питался и жилъ городокъ, вкусамъ котораго подчинялся и къ требованіямъ котораго старался приготовиться и удовлетворить, игнорируя остальное свое населеніе. Все засыпало или спало. Только въ залѣ конвентъ-квартиры «Неотевтоини» свѣтились яркіе огни. Тамъ сидѣло нѣсколько комильтоновъ и пило пиво. Негг Нейманъ присутствовалъ или, вѣрнѣе, возлежалъ тутъ же. Хмѣль совсѣмъ одолѣлъ его, и онъ безпомощно лежалъ на диванѣ, припи-

мая по временамъ изъ рукъ фукса или бурша-комильтона кружку съ пивомъ и медленно выпивая его. Онъ клялся и ругался съ энергіей, на которую способенъ только человекъ въ его положеніи, что онъ не только покажетъ русскимъ студентамъ, что такое есть истый буршъ, но непременно «фордируетъ» ихъ сеньора и дастъ ему нѣсколько хорошихъ ударовъ... Пившіе комильтоны сочувственно кивали головой и важно, протяжнымъ голосомъ говорили: — „о, ja wohl!... natürlich!“... А чудная, теплая, ароматная ночь незримо летѣла и незамѣтно переходила въ утро... *)

Среди своихъ.

На деревьяхъ уже началъ появляться желтый листъ съ пурпуро-золотистымъ отливомъ. Ясное безоблачное небо чаще и чаще стало заволакиваться тучами, нерѣдко посылавшими на землю надобливый мелкій дождь и сырой, неприятный туманъ, который заволакивалъ и проникалъ собою все—и воздухъ, и зданія, и людей, окутывая все и всехъ густымъ, непроницаемымъ покровомъ. Холодный рѣзкій вѣтеръ то съ буйнымъ свистомъ и удалю, то съ протяжными заунывными завываніями налеталъ откуда-то порывами или по цѣлымъ часамъ жалобно плакалъ въ трубахъ и слуховыхъ окнахъ. Наступила осень. Изрѣдка лишь выдавались хорошіе-ясные деньки съ яркимъ, еще грѣющимъ, солнцемъ и высоко-стоящими бѣлыми облаками. Каникулы давно окончились, и разѣхавшееся на лѣто студенчество опять собралось въ своемъ городкѣ. Не пріѣхали только еще сибиряки, да другіе, ужъ очень далеко забравшіеся на каникулы, комильтоны. Лекціи начались. Въ нѣмецкихъ корпораціяхъ шли обычные осенніе коммерши. Спрыскивали и обмывали вновь поступившихъ изъ гимназій и школъ всего края молодыхъ фуксовъ. Старые, бывалые въ передѣлкахъ бурши глядѣли важно; сеньоры, шаржиртеры и ольдерманы ходили, озабоченно нахохлившись и раздумывая о предстоящихъ трудахъ. По

*) Печатавшіеся во «Всемирной Иллюстраціи» за 1889 г. и нынѣ выходящіе отдѣльнымъ изданіемъ мои очерки — «Городъ студентовъ» заключаютъ въ себѣ рядъ картинъ, относящихся къ быту студентовъ города Дерпта; но, во избѣжаніе недоразумѣній, считаю пужнымъ заявить, что какъ картины событій, такъ и всѣ безъ исключенія герои — лица вымышленныя, никогда не существовавшія и не существующія. Прим. автора.

улицамъ то и дѣло проносились съ бѣшеной быстротой особаго рода экипажи въ видѣ длинныхъ и широкихъ ящиковъ съ поперечными скамьями, запряженные четверкой или шестерикомъ лошадей цугомъ. Экипажи эти принадлежали различнымъ корпораціямъ. На скамьяхъ разсаживалось обыкновенно студенчество корпораціи съ напитками и закусками, и съ хохотомъ, громкимъ говоромъ и пѣнями быстро летѣло по улицамъ за городъ, куда-нибудь въ лѣсъ, въ послѣдній разъ попить на вольномъ воздухѣ. То и дѣло происходили легкія дуэли на шпагахъ. «Градуалисты» или «ригористы» приготавливались сдавать выпускные экзамены, послѣ чего, по старинному обычаю, корпорація устраивала своему новому «филистеру» (окончившему курсъ) коммершъ и въ полномъ составѣ, съ распущеннымъ знаменемъ, провожала его на вокзалъ, ведя торжественно подъ руки по главнымъ улицамъ города и заходя по дорогѣ къ зданію университета, чтобы снѣтъ «Gaudeamus», прокричать изо всей силы своей almae matri — „hoch!“ и отсалютовать ей знаменемъ. Педея въ синихъ мундирахъ и картузахъ съ кокардами бѣгали по квартирамъ студенчества, „цитируи“*) кругомъ задолжавшихъ комилтоновъ къ „сиддику“ университета**) для расплаты за старые „пуфы“, открываемые обыкновенно лавочниками и торговцами студенчеству, и особенно корпораціямъ, свободно и безпречаственно, такъ какъ слово мѣтнаго студента издавна замѣняло вексель, а въ своихъ судахъ — по „коману“ — это слово играло роль присяги. Ростовщики открывали явные и тайныя есудныя кассы и ждали студентовъ съ распростертыми объятіями.

Русскія студенческія общества встрѣчали и тоже „сырыскивали“ и „обмывали“ возвращавшихся и вновь пріѣзжавшихъ товарищей. Былъ одинъ изъ теплыхъ ясныхъ дней. Обѣденная пора давно уже прошла, и въ жаркомъ воздухѣ чулось приближеніе вечерней прохлады. Окна маленькаго одноэтажнаго деревяннаго домика, стоявшаго на одной изъ отдаленныхъ улицъ города, были

*) Вызывая.

**) Въ университетѣ существовало правило, по которому должника-студента, по жалобѣ его кредиторовъ, вызывалъ сиддикъ (особое должностное лицо) и предлагалъ уплатить долгъ въ извѣстный срокъ. Если студентъ не исполнялъ обѣщанія, то деньги уплачивалъ самъ университетъ, но увольнял студента-должника.

отворены настежь. Тут помѣщалась конвѣнтъ-квартира русскаго студенческаго общества. Она состояла всего изъ двухъ небольшихъ комнатокъ; въ одной находились маленькая библіотека и читальня общества, а въ другой происходили сходы и стоялъ простой деревянный столъ съ черпильными приборами, лампою, диваномъ и рядомъ стульевъ. Въ углу, на маленькомъ столикѣ, помѣщались большой русскій самоваръ и чайный приборъ. Нѣсколько картинъ — журнальныхъ премій — и фотографій украшало стѣны. Крайняя простота и бѣдность обстановки рѣзко бросались въ глаза, особенно при сравненіи съ такими же квартирами корпорацій или еврейскихъ и польскихъ студенческихъ обществъ. Русское общество было немногочисленно и далеко не располагало свободными денежными средствами. Недостатокъ замѣчался во всемъ, но студенчество не обращало на него никакого вниманія и жило, что называется, на распашку, вызывая, впрочемъ, насмѣшки и полтруниванія болѣе достаточныхъ коллегъ. Почти все члены собрались сегодня встрѣтить прѣхавшаго изъ Россіи новичка-товарища. Въ углахъ стояло неизбѣжное пиво въ коробахъ, водка и закуски. Русскіе „комилтоны“ любили преимущественно пить водку, чередуя ее иногда съ пивомъ. Тутъ, — среди этого разношерстнаго товарищества чисто русскихъ юношей, обруевшихъ, долго жившихъ въ центральныхъ губерніяхъ Россіи, пѣмцевъ, поляковъ и евреевъ, — уже не было никакой обрядности и торжественной обстановки при кутежахъ.

...За столомъ, около кипящаго самовара, сидѣлъ предсѣдатель общества, высокій, плотный молодой студентъ-медикъ послѣдняго курса, Стретенковъ. Широкое русское лицо его съ едва замѣтнымъ пушкомъ на губѣхъ и щекахъ то и дѣло расплывалось въ широкую улыбку. Онъ читалъ послѣдній номеръ „Шута“.

Маленькій студентъ, съ цѣлою шапкой курчавыхъ волосъ на головѣ и быстро бѣгавшими маленькими глазами, горячо спорилъ съ высокимъ сутуловатымъ паномъ Холодковскимъ о спиритизмѣ и говорилъ, что онъ „убѣжденно“ вѣрить въ него, на что панъ Холодковскій хладнокровно возражалъ, что это одно „глучество“... Въ другомъ мѣстѣ худенькій первый юристъ Кульковъ и бѣлобрысый, съ очень неситымъ лицомъ и мутными глазами, обруевъ-

III
 шій нѣмецъ Кѣнигъ,—изгнанный за что-то изъ нѣмецкой корпораціи и принятый, въ нику корпорантамъ, въ русское общество,—сидѣли вдвоемъ у столика, на которомъ стояла бутылка водки рядомъ съ „препарированной“ селедкой. Около шкафа съ книгами, въ другой комнатѣ, было тоже нѣсколько студентовъ. Дверцы шкафа были отворены, и общественники брали съ полокъ книги. Въ это время въ соседней комнатѣ послышался шумъ и голоса, и всѣ отправились туда. На диванѣ, еще не вполне раздѣвшіеся, съ сумкой черезъ плечо, сидѣлъ молодой бѣлокурый юноша, только что пріѣхавшій съ вокзала. Это и былъ ожидаемый гость-товарищъ ихъ Россіи. Розовыя щеки, пухъ на верхней губѣ, а главное—преувеличенно рѣзкій басъ и франтоватый новенькій костюмъ—все показывало, что молодой человекъ только что сошелъ съ гимназической скамейки и не освоился еще со своимъ новымъ положеніемъ.

— Ну, Витя, молодецъ-братъ, что побѣхалъ сюда!... сказалъ предсѣдатель, землякъ пріѣхавшаго, и покровительственно потрепалъ его по плечу.

— Ну-съ, батенька, какъ у васъ тамъ... въ гимназіи-то? спросилъ, ласково заглядывая въ глаза, другой землякъ пріѣхавшаго.

— Да что, братцы... все по прежнему—ерунда!... Оомка все дуришь, Козлице крутить колы на экзаменахъ,—я насилу проскочилъ!... и онъ молодцовато поглядѣлъ на всѣхъ.

— Стрепетовъ! раздался голосъ Кулькова: — будетъ лясы-то точить!.. Начинай священнодѣйствіе...и не дожидаясь отвѣта, онъ захватилъ два стакана съ водкой и, подойдя къ столу, молча подаль одинъ изъ нихъ бѣлокурому юношѣ. Всѣ торопливо, точно боясь что-то упустить, схватились за свои стаканы. „Prosit! Prosit!“ раздались обычные возгласы. Всѣ выпили.

— Ну, братъ, ты, конечно, къ намъ въ общество членомъ?! сказалъ Стрепетовъ покрасѣвшему отъ выпитой водки новичку: — такъ на вотъ, подниши сейчасъ, кстати, и команъ! говорилъ онъ, подавая ему небольшую тетрадь въ коричневомъ переплетѣ. — Послѣ прочтешь и уразумѣешь, а теперь братъ, по нашему здѣшнему обычаю, тебя «окупнуть» надо... Раскошеливайся и посылай за питіемъ... продолжалъ онъ, выходя въ перед-

ною, чтобы послать за пивомъ и водкой. Юноша торопливо передалъ ему деньги. Остальные общественники уже снова разбрелись и сидѣли по разнымъ мѣстамъ. Очевидно, прїѣздъ новичка былъ только предлогомъ собраться и лишній разъ покутить въ общественной квартирѣ.

Скоро было принесено пиво и водка; попойка началась. Большинство уѣлось вокругъ стола, гдѣ были разставлены цѣлыя батареи бутылокъ. Новичка посадили на диванъ около стола. Всѣ налили свои стаканы.

— Ну, комильтоны, сказалъ Стрелетовъ: — сначала, знаете, — нашу любимую!.. Онъ взялъ стаканъ въ лѣвую руку и, махая правой, запѣлъ, заглушаемый хоромъ другихъ голосовъ:

«Изъ страны, страны далекой,
а. Волеи матушки Широкой
 Ради вольнаго труда,
 Ради вольности веселой
 Собралися мы сюда!..»

«Собралися мы сюда!» протяжно и какъ будто печально выводили тенора. И, казалось, въ ихъ голосахъ, молодыхъ, сильныхъ и здоровыхъ, звучало чувство затаенной печали и сожалѣнія — зачѣмъ забралися они сюда, далеко отъ родныхъ мѣстъ, въ среду незнакомыхъ, холодныхъ и враждебно настроенныхъ къ нимъ людей. — «Ради вольнаго труда собралися мы сюда!..» неуверенно и какъ-то хрипло пѣли басы, сами сомнѣваясь въ подлинности своихъ словъ. Хоръ былъ хотя и песовеѣмъ стройный, но зато дружный и проникнутый однимъ желаніемъ — снѣть какъ можно лучше любимую пѣсню. Новичекъ сидѣлъ на диванѣ, стараясь подтягивать и уловить мотивъ. Онъ былъ ошеломленъ всѣмъ видѣннымъ, а слова пѣсни и грустный протяжный напѣвъ ея невольно пробуждали въ его душѣ воспоминаніе о покинутой родинѣ и привычной обстановкѣ. Отъ выпитаго пива и вина у него кружилась голова, и рябило въ глазахъ.

— „Вспомнимъ горы, вспомнимъ доли,
 Наши хаты, наши села!

пѣла заунывно, ласкающе-пѣжно пѣсня, и новичку становилось еще грустнѣе и тоскливѣе на сердцѣ. Красныя лица и петвер-

дые голоса старались быть серьезными, сосредоточенными. Въ отворенныя окна доносились звуки уличной жизни; проходившіе эстонцы и пѣмцы съ любопытствомъ останавливались и заглядывали въ комнату, слушая пѣніе.

Кончилась пѣсня, и начался кутежъ. Когда хмѣль совсѣмъ уже отуманилъ головы, всѣ вдругъ громко заговорили и стали рассказывать повичку про мѣстные порядки. По обыкновенію, началось съ повѣствованія о правахъ буршей, ихъ корпоративныхъ уставахъ и обычаяхъ. Рассказывали, придавая этому преувеличенное значеніе и серьезность, о дуэляхъ, о студенческихъ сходкахъ и судахъ, о враждѣ между русскими и нѣмецкими студентами. Повичокъ только широко раскрывалъ глаза, удивляясь и изрѣдка предлагая наивные вопросы. Онъ уже со страхомъ помышлялъ о будущиxъ столкновеніяхъ съ буршами и не находилъ способовъ уклониться отъ этихъ столкновеній. А студенты между тѣмъ все пили и пили. Отдѣльные голоса, фальшивя и путая, начинали пѣть и, не окончивъ, бессильно умолкали. Вновь пріѣхавшій тоже пилъ и старался пѣть. Онъ хотѣлъ показать, что въ немъ уже ничего не осталось гимназическаго, и что онъ можетъ также много пить, какъ и старые закаленные студенты. Къ нему подошелъ какой-то общественникъ и отвелъ его въ сторону, къ маленькому столику. Они сѣли.

— Что вы намѣрены здѣсь штудировать? спросилъ онъ. Бѣлокурый юноша неопредѣленно развелъ руками и сказалъ, что хочетъ попробовать медицину, и потомъ, чтобы переимѣнить тему, заговорилъ о всемъ видѣнномъ и слышанномъ. — Вы не все еще узнали! возразилъ ему угрюмый собесѣдникъ. По его словамъ выходило, что бурши, дѣйствительно, съ русской точки зрѣнія, смѣшные ребята: нагородили себѣ какихъ-то уставовъ и обрядовъ, но что порядка у нихъ въ обществахъ больше, и отношенія товарищескія лучше; другъ за друга стоятъ крѣпко, и общественные инстинкты развиты сильно. Конечно, многое смѣшно въ ихъ быту и — для посторонняго — дико, но для нихъ во всемъ этомъ есть смыслъ. Дѣла землячества или корпорацій находятся въ хорошемъ состояніи: кассы, бібліотеки, взаимная помощь. Одно нехорошо — формализма, обрядности и канцелярщины много. Русскіе студенты здѣсь

элементъ пришлый, чуждый; хотя стараются иногда и подражать во виѣшности хозяевамъ, но неудачно. Все пьютъ, — особенно кто состоитъ членомъ общества. Кто посерьезнѣе и желаетъ какъ слѣдуетъ работать, тотъ держится вдали отъ обществъ, особнякомъ. У нѣмцевъ тоже есть хорошіе работники, только это все пародь-карьеристы, будущіе чиновники и мирные толетые <буржуи.> Среди русскихъ студентовъ есть душевные люди, съ сердцемъ и головой, много читаютъ, учатся; но все русскіе студенты хоть съ виду и пеказисты, хоть пьютъ здѣрово, а ребята славные, <рас-сейскіе.> У нѣмца все съ осторожкой: говори, да оглядывайся, какъ бы не сказать чего лишняго, не обидѣть; а тутъ — ничего, можно прямо душу параспашку; правда, сначала надоѣдливо... Въ костюмѣ тоже вольность: ходи — въ чемъ хочешь; а у нѣмцевъ все это франтовски, на барскую ногу...

— Голубчики, братцы! Выпьемте малость!.. подошелъ къ нимъ какой-то студентъ съ картузомъ на затылкѣ и безпорядочно свѣсившимися на лобъ волосами. Онъ держалъ въ рукахъ бутылку и стаканъ. Все трое выпили.

— Вотъ что, Курбскій, — есть у васъ квартира? сказалъ первый студентъ.

— Нѣтъ... а что?

— Такъ пойдемте отсюда прямо ко мнѣ...

— И ко мнѣ... можно. Что квартира — пустяки одни! вмѣшался третій студентъ. Къ говорившимъ подошелъ Стрелетовъ.

— Нѣтъ, онъ будетъ жить пока въ конвентъ-квартирѣ! сказалъ онъ, узнавъ, въ чемъ дѣло.

Въ сосѣдней комнатѣ опять затянули нѣсно, но она не ладилась. Поднялся безпорядочный шумъ. Пьяныхъ было много. Нѣкоторые сидѣли, безпомощно опустивъ головы и стараясь сохранить бодрый видъ; шны о чемъ-то спорили, стараясь перекричать другъ друга; кое-кто лежалъ въ полубезчувственномъ состояніи на диванѣ и даже на полу. Приѣзжаго юношу-студента трое извѣстныхъ по кутежамъ студентовъ поили смѣсью изъ водки и пива, стараясь замѣтить, сколько стакановъ онъ можетъ выпить. Кто-то доказывалъ кому-то, что русскій студентъ и въ пьянствѣ душа-

человѣкъ, а нѣмецкій буршъ на своихъ коммерсахъ все-таки остается благовоспитанной скотиной. Кто-то говорилъ умиленнымъ голосомъ, что онъ—тварь, недостойная носить образъ человѣческой. Все были уже въ такомъ состояніи, которое близко граничить съ безсознательностью. Только немногіе, давно уже закалившіеся въ кутежахъ и попойкахъ, оставались несокрушимаы.

Почти уже совсѣмъ смерклося. Съ рѣки и изъ садовъ повѣяло свѣжестью. Прохожіе съ любопытствомъ заглядывали въ окна, направляясь въ паркъ на гулянье. Звуки цитры и рояля неслись откуда-то изъ ближней улицы. Съ рѣки слышался веселый шумъ и смѣхъ пріѣхавшихъ на лодкахъ горожанъ. На городской ратушѣ били часы... А кутежъ то ослабѣвалъ, то разгорался съ новою силою. Совсѣмъ ослабѣвшій Курбскій сидѣлъ у окна, безмысленно глядя на улицу. По временамъ онъ чему-то блаженно улыбался и что-то бормоталъ про себя. Наконецъ онъ всталъ, пошатываясь, и едва дошелъ до комнаты, гдѣ помѣщалась библіотека; тутъ онъ бессильно упалъ на старую кушетку.

Ночь летѣла. Выспавшіеся и протрезвившіеся замѣняли уставшихъ и окончательно сломленныхъ хмѣлемъ. Видимое веселье шло, не прерываясь. Нѣкоторые вышли на улицу и ходили по ней, распѣвая нѣсни. Курбскій спалъ, ничего не видя и не слыша. Сквозь туманъ хмѣля, въ безсвязныхъ отрывочныхъ картинахъ, ему снились его старуха-мать и сестра-гимназистка, упрасивавшія его предъ отъѣздомъ беречь свое здоровье и не пить слишкомъ много, чтобы не спиться совсѣмъ...

На пирушкѣ.

Русскіе студенты, Даламатовъ и Князьковъ, оба отправлялись на студенческую вечеринку, устроенную малороссами въ день годовщины смерти «Тараса». Квартира общества русскихъ студентовъ была полна веселаго молодого народа — общественниковъ и приглашенныхъ гостей. Присутствовавшее общество, по мѣстному обычаю — а главное, за отсутствіемъ и недостаткомъ дамъ — все состояло изъ мужчинъ. Дерптское студенчество, какъ древнее запорожское казачество, не то что не терпѣло, а долгими годами

приучено было обходиться безъ дамъ и женскаго элемента въ своей средѣ. Однако все шло чинно и даже нѣсколько торжественно. Началось, по обыкновенію, съ рѣчей. Молодые и старые ораторы выходили и сходили съ своеобразно-устроенной трибуны, то привѣтствуемые и сопровождаемые шумнымъ восторгомъ и аплодисментами, то молчаливо оглядываемые. Говорилось о литературныхъ заслугахъ «Тараса», о Малороссіи, о славіи и чести родной земли, о томъ, что наука и литература космополитичны... И о многомъ другомъ говорилось тутъ, въ этой собравшейся молодой семьѣ. Становилось жарко и немного скучновато.

— Треба-жь спочинуть (отдохнуть), братіки! раздался чей-то молодой и несмѣлый, но серьезно отчаянный голосъ, когда новый неуклюжій и лохматый ораторъ направился къ возвышенію. Раздался дружный веселый хохотъ, и чинность публика прошла. Все заходило, зашумѣло и заговорило. Даламатова познакомили съ нѣсколькими студентами-сибиряками. Онъ съ жадностью накинудся на нихъ и сталъ съ ними разговаривать о Сибири: чѣмъ-то близкимъ и роднымъ повѣяло на него, — какъ-будто тепломъ пахнуло изъ далекаго родного края, — и онъ сталъ приноминать брошенную имъ угрюмую страну. А кругомъ все шумѣло и волновалось. Пили чай, пиво; распѣвали малороссійскія пѣсни. Кое-гдѣ горячо спорили. Хлопецъ Грицко, сяди верхомъ на стулѣ, стучалъ кулакомъ и говорилъ вразумительно пану Вожатому, безпрестанно пересыпая свою рѣчь цитатами изъ малорусскихъ писателей: — «А ну-жь, пропляши стараго гопака? А, ей Богу, не пропляшешь!?» — на что панъ Вожатый заплетавшимся языкомъ старался ему объяснить, что онъ вполне можетъ, но не хочетъ сейчасъ плясать гопака. — «А ну-жь, пропляши...» упрямо настаивалъ хлопецъ Грицко. Его собесѣдникъ только безпомощно клевалъ носомъ и силился сказать, что онъ есть истый казакъ. Князьковъ, бывший фуксомъ одной изъ нѣмецкихъ корпорацій, задорно объяснялъ какому-то высокому худому студенту всѣ преимущества жизни въ корпораціи, сравнительно съ русско-студенческимъ обществомъ.

— Прежде всего васъ, если вы состоите въ нѣмецкой корпораціи, говорилъ онъ жестикулируя: — вездѣ тутъ въ лучшемъ обществѣ будутъ принимать... Далѣе, вы имѣете до нѣкоторой

степени красивую и почетную форменную одежду... — Худой студентъ, его слушатель, презрительно улыбулся. Тотъ, не замѣчая, продолжалъ: — потомъ научитесь хорошимъ манерамъ, свѣтскому лоску, такъ какъ всегда будете вращаться въ обществѣ людей изъ аристократіи... У насъ, напр., въ корпораціи все бароны и графы... Онъ остановился, значительно посмотрѣвъ на собесѣдника, и продолжалъ: — ...и замѣйте, какъ все это у насъ товарищески, просто и свободно!.. У меня много пріятелей среди всей этой знати, неожиданно вдругъ солгалъ онъ. И это не произвело, повидимому, никакого впечатлѣнія на суроваго хохла. — Главное же, продолжалъ Князьковъ съ новымъ одушевленіемъ: — по выходѣ изъ университета, ваша карьера вполне обезпечена. Васъ за уши вытянуть. Не оставлять.. Да, батенька, для этого можно и фуксомъ побыть годъ или два...

Высокій мрачный слушатель, наконецъ, не выдержалъ, съ остервененіемъ плюнулъ, неуклюже и медленно всталъ со своего мѣста и, ничего не говоря, пошелъ въ сторону. Было очень жарко и накурено. Какой-то студентъ ходилъ съ большою мохпатою шапкою и листомъ бумаги въ рукахъ, собирая деньги на поддержку какого-то бѣдняка. Уже немолодой человѣкъ, взобравшись на возвышеніе, сталъ жаловаться студентамъ на притѣсенія какого-то профессора, умышленно, по его словамъ, провалившаго его на экзаменахъ.

— Демпстрацію, демонстрацію ему! закричали несовсѣмъ твердые голоса изъ толпы, и скоро, словно воспламененные искрой, студенты тѣснились безпорядочной толпой въ переднихъ, отыскивая платье и шапки. Князьковъ, стараясь незамѣтно выскользнуть, торпливо одѣвался.

— Вы съ ними?! бѣгло и тихо спросилъ онъ Даламатова, раскраснѣвшагося и отъ вина, и отъ жары.

— Конечно! отвѣтилъ тотъ. — А вы развѣ нѣтъ?!

— Слуга покорный!.. рисковать расположеніемъ профессора, который имѣетъ такое важное значеніе на экзаменахъ?!...

Старый студентъ съ любопытствомъ глянулъ на него и, только проговоривъ: — Эхъ, вы, батюшка!.. вмѣшался въ гудѣвшую толпу молодежи. Всѣ вышли на улицу. Было темно. Моросилъ мелкій дождь. Студенчество, шлепая по грязи и шумно разговаривая, от-

правило къ квартирѣ нелюбимаго профессора. Что-то сильное, молодое и дружное видѣлось въ этомъ нелѣпомъ шествіи необыкновенно торжественно и воинственно настроенныхъ товарищей. Ночные «пахтвехтеры» съ удивленіемъ останавливались и смотрѣли имъ вслѣдъ. Собаки поднимали лай. Дождь все усиливался. Они пришли къ дому нѣмца-профессора, въ окнахъ котораго еще былъ видѣнъ свѣтъ. Остановившись, молодежь подняла такой страшный гвалтъ и крикъ, что «пахтвехтеры» и полицейскіе, стоявшіе на углахъ улицъ, сбѣжались сюда, спрашивая, что случилось. Обрусѣвшій нѣмецъ Висманъ, необычайно худой и длинный человѣкъ, выступилъ впередъ и, приблизившись почти къ самому носу одного стараго пахтвехтера, съ разстановкой проговорилъ по-нѣмецки:—«Почтенный гражданинъ, скажите профессору Луду который сидитъ вонъ тамъ, подь окномъ, что русскіе студенты, которыхъ онъ такъ не любитъ, пришли сказать ему одно слово, но божія стихія прогнала ихъ!..» Онъ закрылся пледомъ отъ дождя и вѣтра и пошелъ назадъ. За нимъ пошли и остальные.

На экзаменѣ.

Еще не старыи, но уже сѣдой и старчески сухой человѣкъ сидѣлъ за маленькимъ столикомъ въ одной изъ аудиторій Дерптскаго университета. Это былъ извѣстный ученый и уважаемый слушателями профессоръ Боденштейнъ. Вокругъ него толпилась студенческая масса. Шелъ экзаменъ по одной изъ «страшныхъ» — «логій». Умное, выразительное доброе лицо стараго профессора ласково и привѣтливо смотрѣло на молодыхъ, хотя теперь озабоченныхъ, но свѣжія и умныя лица окружавшихъ его юношей. Всѣ жались и подталкивали другъ друга, боясь выходить къ столу, на которомъ лежали роковые экзаменаціонные билеты.

— Что же, мои друзья?! спокойно, ласково сказалъ старикъ, обводя всѣхъ присутствовавшихъ своими умными сѣрыми глазами и отчетливо выговаривая нѣмецкія слова. Высокій, очень худой чахоточный юноша съ рѣшительнымъ видомъ вышелъ изъ-за скамеекъ къ столу. Онъ побѣдоносно оглянулся назадъ, съ удовольствіемъ подумавъ, что первымъ пачинаетъ экзаменъ, и что онъ рѣшительнѣе всѣхъ. Затѣмъ онъ робко и нерѣшительно потянулся къ билетамъ.

— Was können Sie sagen... заговорил неторопливо и сосредоточенно, глядя на лежавшие предъ нимъ билеты, старый профессоръ. Студентъ, потерявъ всю свою рѣшимость, робко ждалъ, чтобы начать рассказывать билетъ. Наконецъ онъ оправился и быстро заговорилъ. Аудиторія слушала безмолвно, на время прекративъ даже свой тихій сдержанно-осторожный шопотъ.

— Also... вы полагаете, вдругъ прервалъ старый профессоръ свою жертву: — что эта теорія имѣеть еще за собою и теперь значеніе и силу?!

Будущій ученый слегка замялся и остановился.

— Нѣтъ, мой молодой другъ, это уже давно сдѣлалось достояніемъ исторіи... Но продолжайте!..

Студентъ зачастилъ дальше. При каждой грубой ошибкѣ или искаженіи основныхъ положеній, сѣдья брови стараго ученаго невольно хмурились, и носъ морщился, и все лицо выражало нетерпѣніе. Тогда отвѣчавшій сильно краснѣлъ и смолкалъ. Наконецъ билетъ былъ кое-какъ доконченъ, и начался научный допросъ. При каждомъ вопросѣ опытнаго экзаменатора, стоявшая и сидѣвшая кругомъ аудиторія глядѣла со страхомъ другъ на друга, глазами спрашивая одинъ у другого, — откуда профессоръ откапываетъ такія мудренныя, неслыханныя вещи?!... Трепетъ все усиливался. Когда же экзаменовавшійся, кончивъ отвѣчать, получилъ профессорское приглашеніе пожаловать еще разъ, никто уже не хотѣлъ идти къ роковому столу. А старый профессоръ съ умнымъ и добрымъ лицомъ все сидѣлъ въ это время и думалъ, глядя на эти юныя, свѣжія и встревоженныя лица, что когда-то, много-много лѣтъ тому назадъ, такъ сидѣлъ и то же самое чувствовалъ и онъ, тогда еще такой же — какъ они теперь — веселый, молодой и бодрый...

— Ну, что же, что, мои друзья?! очнувшись, опять обратился онъ къ студентамъ: — или страшно?! То-то, нужно работать въ годъ! и незамѣтная добродушно-лукавая улыбка пробѣжала подъ его сѣдымъ усомъ. Тонъ ли его голоса или это быстро мелькнувшее лукавое выраженіе на лицѣ старика ободрило студентовъ. Вышло «тянуть билетъ» сразу нѣсколько человѣкъ. Опять потянулось безконечное панизованіе былей и небылицъ, выкладываніе строго вѣрныхъ выводовъ и спутанныхъ научныхъ понятій...

наставники и студенчество сходились теперь къ долинь, чтобы посмотреть на результаты годовых гимнастических упражненій своих дѣтей, чтобы посмотреть и порадоваться на крѣпость и гибкость ихъ молодыхъ мускуловъ, на удачу и отвагу въ физическихъ упражненіяхъ. Во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ Дерпта гимнастика и мускульныя упражненія не только поставлены не ниже чисто учебныхъ занятій, но иногда превосходятъ ихъ тѣмъ количествомъ заботы и вниманія, какое удѣляютъ имъ руководители учащагося поколѣнія. Здѣсь твердо помнить и неуклонно слѣдуютъ мудрой латинской пословицѣ, что въ здоровомъ тѣлѣ — здоровъ и духъ. И результаты получаются дѣйствительно блестящія.

Яркое лѣтнее солнце заливало горячимъ свѣтомъ зеленую долину, толпы стоявшихъ кругомъ и сидѣвшихъ на скамьяхъ зрителей и старья, весело глядѣвшія теперь своими зіяющими черными отверстиями, развалины. Стоялъ тотъ особый сдержанный шумъ и гулъ голосовъ, топотъ ногъ и движенія, который такъ свойственъ ожидающей толпѣ. Средина долины была пуста. Но вотъ вдали, изъ глубины липовыхъ аллей, сверкавшихъ своею молодою изумрудною зеленью, послышался сначала отдаленный топотъ ногъ, а затѣмъ показалась голова одной сплошной, громадной колонны дѣтей и юношей. Ихъ было нѣсколько сотъ человѣкъ. То шли соединенныя въ одно цѣлое всѣ учебныя заведенія Дерпта. Голова колонны вся состояла изъ семи- и десятилѣтнихъ дѣтей, розовыхъ, улыбающихся и сияющихъ отъ радости и счастья. Каждое учебное заведеніе несло свое цвѣтное знамя, имѣя впереди нѣсколькихъ своихъ питомцевъ, украшенныхъ цвѣтными шарфами черезъ плечо и съ зелеными сосновыми и еловыми вѣтками на фуражкахъ. Тихо и стройно входила въ долину эта дѣтская колонна. Два оркестра музыки играли какой-то торжественный маршъ.

Толпа зрителей съ жаднымъ любопытствомъ слѣдила за этою громадною толпою дѣтей. Войдя въ долину, вся она разбѣстилась шпалерами, обративъ дѣтски-внимательный взглядъ свой на высокую досчатую площадку на четырехъ столбахъ, гдѣ уже стоялъ стройный красивый учитель гимнастики въ мягкой пуховой шляпѣ съ зеленою еловою вѣткою и въ наглухо застѣнутомъ сюртукѣ, и

ждали дѣтскую толпу, скрестивъ на груди руки. Раздѣливъ всю массу дѣтей и юношей на нѣсколько группъ, онъ съ высоты своей площадки, какъ истый фельдмаршалъ, сталъ командовать этой веселой шумной краснощекой ватагой (не было замѣтно ни одного блѣднаго, замореннаго и изнуреннаго сидячею жизнью личика). Начались гимнастическія игры, прыганье черезъ барьеры, канавы и препятствія, и движенія по командѣ, всюю массою, построенною въ одну колонну, что выходило необыкновенно красиво и стройно. Дѣти ловко и дружно исполняли слова команды, раздававшейся сверху. Applaudiments и смѣхъ зрителей были имъ то наградой, то укоромъ. Несмотря на сотни и тысячи глазъ, смотрѣвшихъ на нихъ со всѣхъ сторонъ, несмотря на присутствие высшаго учебнаго начальства, — ни на одномъ изъ дѣтскихъ лицъ нельзя было замѣтить ни малѣйшаго слѣда робости, застѣчивости или смутно чувствуемаго чувства страха. Смѣхъ и веселье не смолкали среди этого здороваго, крѣпкаго отпрыска мѣстнаго населенія, — свѣжаго, молодого и задорно веселаго.

Кончилось первое отдѣленіе праздника, заигралъ оркестръ, и на высокой эстрадѣ появился, вмѣсто учителя гимнастики, учитель пѣнія. Внизу, поднявъ головы и пристально слѣдя за движеніемъ его руки, стояла опять соединенная дѣтская толпа. По данному знаку съ эстрады, хоръ свѣжихъ дѣтскихъ и юношескихъ голосовъ, заглядывая въ листки нотъ, весело и звучно запѣлъ какую-то нѣмецкую пѣсню. И звуки пѣсни стройною толпою росли и уносились въ голубое безоблачное небо, и высокія красивыя ели одобрительно шумѣли и покачивали своими зелеными верхушками, и молодыя липы стыдливо трепетали листьями, разливая кругомъ душистый аромат своихъ новыхъ цвѣтовъ. А толпа отцовъ сидѣла вверху, на высококомъ зеленомъ откосѣ, и любовалась, глядя на своихъ дѣтей, радуясь, что они — такія здоровыя, сильныя и ловкія... А старый, дряхлый, развалившійся монастырь старчески-привѣтливо смотрѣлъ на молодой, благоухавшій счастьемъ жизни и дѣтства, цвѣтникъ внизу, въ зеленой долинкѣ, и, казалось, одобрительно шамкалъ: — «хорошіе бурши будутъ!.. будутъ... будутъ!!..»

За пѣніемъ слѣдовало метаніе копій и дисковъ, бѣганье и

оняť пѣніе... Только въ вечеру окончилось празднество, и дѣтей увели въ приготовленный большой общественный домъ, чтобы угостить обѣдомъ и конфетами. Медленно, съ довольными улыбающимися лицами расходились толпы отцовъ и братьевъ, вслухъ припоминая отдѣльные эпизоды праздника, и удалъ и ловкость маленькихъ героевъ дня. «Ловки, бестіи!.. съ измальства приучаются!» говорили, одобрительно осклабяясь, русскій мѣщанинъ, возвращаясь изъ парка домой, въ пригородную слободу, своей женѣ. — «На нашихъ-то емназистовъ — совсѣмъ непохожи!» сказала та въ отвѣтъ, утирая потъ на лицѣ клѣтчатымъ платкомъ. Они завернули за уголъ и скрылись изъ виду.

А юные гимнастеры въ это время съ шумомъ и хохотомъ шировали въ залахъ общественнаго городского дома, вспоминая минувшіе подвиги и неудачи...

Такъ жило и пока еще живетъ*) студенчество и молодой учащійся мірокъ стариннаго города Дерпта. Худа или хороша эта жизнь, и долго ли она еще продлится въ такомъ видѣ — это вопросъ будущаго и личнаго взгляда. Но она имѣетъ свой опредѣленные, ясно выраженные формы, традиціи и идеалы; но теченіе ея обусловлено цѣлымъ строемъ общественныхъ отношеній, взглядовъ и понятій, а формы зависятъ отъ причинъ, глубоко коренящихся въ прошедшемъ всего этого края. Мѣстное студенчество тѣсно и крѣпко органически связано со своимъ обществомъ, со своими отцами и даже дѣдами, заимствуя и принимая отъ нихъ, какъ святыню, завѣты и обычаи старины. Рухнетъ старина — рухнетъ и молодая эта жизнь въ ея теперешнихъ формахъ. Какъ нѣсколько десятковъ лѣтъ тому назадъ студентъ-буршъ дуэлировалъ, кутилъ и нерѣдко лѣтомъ предпринималъ далекія путешествія по краю пѣшкомъ, съ посохомъ въ рукахъ и котомкой за плечами, съ веселою толпою такихъ же, какъ онъ, комильтоновъ, прибѣгая иногда послѣ сильныхъ кутежей и попойекъ къ даванію quasi-концертовъ, представлений и т. п., чтобы было съ чѣмъ возвратиться въ родной Дерптъ, — такъ и теперь онъ готовъ дѣлать то же самое. И тогда, и теперь въ рядахъ бравой вольной

*) Писано въ 1889 году.

пожарной команды города Дерпта. — одѣтой въ блестящія мѣдные шлемы, съ топорами за широкими поясами и въ сѣрыхъ курткахъ. — есть много студентовъ мѣстнаго университета, стройно и строго стоящихъ въ рядахъ, зачастую бокъ-о-бокъ со своими, такими же вольными пожарными, профессорами. И студентъ сознательно идетъ въ эти ряды, зная, что эта его дѣятельность нужна его городу, его старинному родному Дерпту. Общество и онъ неразрывно связаны. Мало того — онъ царить, онъ почетно гостить въ немъ и даетъ ему тонъ. Онъ гордъ этимъ сознаниемъ, онъ убѣжденъ въ своей силѣ и нравственномъ вліяніи. Идутъ года, все прогрессируетъ, измѣняется, принимаетъ иныя формы. Но онъ и жизнь его — строго консервативны. Тамъ, на горизонтѣ внутренней политики страны, собираются надъ его головой тучи, гремятъ грозы, — но онъ спокойно и увѣренно живетъ, не сознавая за собой никакой существенной вины и твердо зная, что заботливая рука отцовъ не дастъ разорить родное гнѣздо... Мчатся годы, бушуютъ волны жизни народной, ведро смѣняетъ ненастье, и буря набѣгаетъ вслѣдъ за тихимъ теплымъ июльскимъ вечеромъ; а онъ, равнодушный и спокойный, беззаботно пьетъ свое пиво или важно рѣшаетъ вопросъ о «рукунгѣ» на девяносто девять лѣтъ... Сильный и здоровый физически еще съ гимназической скамейки, веселый и любящій почти единственно только свою веселую студенческую жизнь, да свои Остзейскія провинціи, — онъ не можетъ не быть прилично-благоразумнымъ и мѣщански-прозаичнымъ въ жизни. Но при этомъ онъ твердо знаетъ, чтб ему нужно и къ чему онъ идетъ. У него и въ его царствѣ-городкѣ все имѣетъ смыслъ, твердо установившуюся форму и ясно опредѣленную, хотя и узко-эгоистичную, но разумно-сознательную цѣль. Всѣ и все знаетъ свои права и свои обязанности, твердо держится ихъ и крѣпко защищаетъ... И мощно стоитъ студенчество стариннаго города Дерпта, и стойко и твердо держится на своей, хотя и болотистой почвѣ, старый городъ студентовъ...

◆ : К О Н Е Ц Ъ . : ◆

1923
1889
— 34